

ЗНАКИ СУДЬБЫ
Татьяна Форш

Призрачный
Сал

Знаки судьбы

Татьяна Форш

Призрачный бал

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Форш Т. А.

Призрачный бал / Т. А. Форш — «Эксмо», 2015 — (Знаки судьбы)

Разве это не чудо – получить в наследство старинное поместье? Но только приехав в особняк, Макс понял, что чудо оказалось с подвохом. С наступлением темноты из бальной залы доносятся звуки вальса, а девушка, которая нравится Максиму, танцует с невидимым партнером на перилах балкона, в полушаге от смерти. Похоже, всех собравшихся в поместье пригласили на призрачный бал и уйти с него живым фактически невозможно.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Форш Т. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
День первый	7
День второй	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Форш Призрачный бал

© Форш Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Пролог

Седовласый мужчина с пересекающим лицо шрамом сидел в глубоком кресле возле остывающего камина. У его ног, свернувшись клубком, дремал черный кот, время от времени приоткрывавший то один, то другой глаз, чтобы рассказчик не замолкал, уж очень интересно тот говорил.

– Я убил ее. Хотел напугать, но страх ей неведом... Как неведома тьма – яркому солнцу, или засуха – безбрежному океану... Боль, вот все что мне осталось... Знаю, за что господь наказал меня такой болью... За убиенных, за пытаных, за служение мое верное... Да... Грешен я?

Кот дернул ухом и едва слышно мяукнул. Было совершенно непонятно, согласен ли он с этим утверждением, но рассказчику необходим был слушатель.

– Прошел ровно год, как ее не стало, но я чувствую – она рядом. Она ждет меня! Сегодня ночью я попрошу ее в очередной раз прийти и забрать меня с собой! И простить... Я устал быть живым мертвецом и видеть тех, жизни которых забрал. Теперь они со мной каждый день. Пусть. Я давно привык и уже не пугаюсь их перекошенных физиономий, прозрачных тел и безумного блеска в мертвых глазах.

Кот поднялся, выгнув спину и, широко зевнув, запрыгнул на колени к мужчине.

Рука рассеянно погладила черную шерсть, кот мурлыкнул, устраиваясь поудобнее, и наконец заснул. Он не помнил, почему остался один и когда придет его хозяйка, но знал, что должен ждать ее вместе с этим печальным человеком. А рассказчик меж тем продолжал говорить, не обращая внимания на то, что его уже никто не слушает.

– Я ищу ее в круговерти лиц, прислушиваюсь к голосам в надежде различить среди них звонкий колокольчик ее смеха. Но все напрасно. Она покинула меня навсегда, не оставив даже надежды на новую встречу. Веры в прощение больше нет. А ведь все могло быть совсем иначе...

День первый

– Куда прешь, урод! – рявкнул голос из притормозившего на мгновение черного джипа, добавил еще пару нелестных эпитетов, и машина рванулась вперед, обдав Макса облаком пыли. Светофор призывно запиликал, поторапливая особо неторопливых пешеходов, и тут же зажегся красным.

Ну и денек! Одним словом, понедельник – день тяжелый! Сначала утром выяснилось, что его фирме отказано в пролонгации лицензии, затем заглохла машина. Пришлось везти ее на станцию техобслуживания, а когда Макс уже собрался плюнуть на все и для снятия стресса закатиться с другом в бар, раздался звонок.

– Максим Александрович? – вежливо поинтересовался незнакомый женский голос.

– Слушаю! – буркнул он с неохотой. Наверняка опять огорошат: или поставки сорвались, или груз застрял в Тмутаракани.

– Меня зовут Инесса Игоревна. У меня для вас неприятная новость: ваш дед, Захаров Александр Петрович, умер сегодня утром. Также я должна сообщить, что у меня на руках находится завещание покойного. Скажите, когда мы сможем с вами встретиться?

Макс даже отстранил трубку от уха и озадаченно повертел в руках, разглядывая. Дед? Ну, насколько он знал, оба его деда живы-здоровы. Один загорает сейчас с новой женой где-то в Крыму, второй живет в деревне Макеевка Тверской области. И хотя занятой внук не навещал его уже лет десять, но точно знал, что дед Василий еще ого-го! Каждый месяц присылал Максиму по бутылке первача, который равнодушный к крепким напиткам Макс ставил в бар, а иногда баловал друзей, любящих заглядывать в его холостяцкую квартиру.

– Э-э... – он наконец перестал разглядывать трубку и решил внести ясность. – Девушка, мне кажется, вы ошиблись. У меня с родственниками все в порядке. Я точно знаю, что...

– Ваша информация неверна! – Вежливо, но твердо перебила настырная девица. Хотя, может, и не девица. Может, дама бальзаковского возраста? Черт их определишь, этих служительниц закона. Вместе с юридическим образованием они словно получают умение говорить бесстрастно и навязчиво! – Вы – Воронцов Максим Александрович?

– С утра был! – рыкнул он, зверея. Сейчас эта девица, вместо того чтобы признаться в своей ошибке и исправлять косяк, будет доказывать, что он не прав. И ведь докажет же! – Девушка, дорогая! А не пойти бы вам на... работу вместо того чтобы доставать весьма занятых людей тупыми звонками!

– Я с удовольствием посоветовала бы вам тот же маршрут, – фыркнул голосок, наполняясь красками и эмоциями, – но вынуждена соблюсти все правила и обязанности, которые, увы, свалились на мои плечи вместе с завещанием, оформленным на вас!

– Даже так?! – Максим остановился и, не замечая прущих в подземку горожан, заорал. – Да нет у меня третьего деда! И Воронцовых в столице до ешкиной матрешки! Не говоря уж о Максимах Александровичах!

В трубке на мгновение повисло молчание, сменившееся затем деловым стрекотанием собеседницы.

– Вам тридцать четыре года. А еще... Ваш рост метр девяносто восемь, вы яркий брюнет с зелеными глазами. Видимо, прямой нос, тонкие губы и волевой подбородок достались вам от вашего прапрапрадеда – князя Воронцова Александра Дмитриевича. Дело в том, что я сейчас держу его фото, доставшееся мне вместе с дневниками и завещанием от вашего усопшего родственника, а также смотрю на ваш фотопортрет, что выдал мне «Гугл». И знаете? Я просто шокирована таким сходством! Надеюсь, диктовать адрес вашего места жительства и данные паспорта не надо? Вы до сих пор думаете, что я ошибаюсь?

Макс сглотнул и оглянулся. Черт! А может, его занесло в шоу «розыгрыши»? Нда... не хочется думать, кто из друзей ему это подстроил. Потому что завтра он этого смельчака просто сожрет!

– Ладно. Ближе к делу! – скрипнул он зубами, представляя себе расправу. – Что я должен делать?

– Приехать ко мне в офис и получить все, что вам причитается! Адрес запомните или эсэмэской скинуть? – В голосе девицы послышались победные интонации.

– Эсэмэской! – процедил Макс и отключился первым. Через секунду пискнул мобильник, сообщая о прибывшем сообщении. Открыв адрес, Максим чуть не сплясал. Во-первых, рядом! Квартал, не больше. Во-вторых, это его последний экстрим на сегодня! А после он обязательно завалится в спорт-бар!

«Еще чуть-чуть!» – пообещал себе Макс и зашагал к маячившему за девятиэтажками небоскребу бизнес-центра.

Лето обещало быть душным. От раскаленного майским солнышком асфальта тянуло смрадным пеклом, и горячий воздух казался живым. Он шевелился, впитывая в себя выхлопные газы спешащих машин, увозящих своих хозяев в преддверии выходных в прохладу пригородных дач.

В холле здания Макс постоял несколько минут, наслаждаясь воздухом, охлажденным кондиционером. В голове снова призывно шевельнулась мысль о холодном пиве. Не найдя в списке фирм ни одной нотариальной конторы, Макс решительно направился к дремавшему над газеткой охраннику.

– Слышь, мужик! Мне бы к нотариусу. Где он у вас тут находится?

Охранник сонно моргнул, озадаченно нахмурился, пытаясь понять вопрос, а потом вертикальные морщинки на его лбу разгладились.

– А здесь нотариуса нет. Выйди... – но договорить ему Максим не дал, взревев раненым зверем.

– Че-го?! Я по такой жаре перся, чтобы понять, что меня об... гм... манули? Какая-то баба? И ты хочешь, чтобы я снова вышел в этот ад?! А вот заюшки не кукуюшки?! Пока такси не вызову – никуда не пойду!

Охранник выслушал его с видимой скукой и, когда речь иссякла, невозмутимо продолжил.

– Выйди из главного входа, поверни направо. С торца пристройка. Увидишь крыльцо и двери из синего стекла – смело заходи. Там арендует помещение нотариальная контора, и она единственная в этом здании.

– А... Спасибо, мужик! – Макс наконец осознал информацию и, расплывшись в белозубой улыбке, рванул к выходу, мгновенно позабыв о поджидавшем пекле.

Едва он оказался на улице, ему и вправду показалось, что попал на раскаленную сковородку, но страдать по этому поводу было некогда. В три прыжка слетев по лестнице, Макс обогнул изломанный торец высотки и замер перед уходящими вверх ступенями, созданными из лоснящегося на солнце черного мрамора. Они вели, как и сообщил охранник, к здоровенным двойным дверям из синего стекла. Над дверью золотыми буквами была высечена скупая надпись: «Нотариальное содружество». Ни названия фирмы, ни имен...

– Шарашкина контора какая-то! – разочарованно хмыкнул Максим и, нечего делать, легко взбежал по ступенькам. Через мгновение он уже входил в приемную. Сидевшая там девица смерила его холодным взглядом и тут же расплылась в улыбке.

– Чем-то могу помочь?

– Мне звонили. По поводу завещания. У кого я могу об этом узнать? – начал без прелюдии Макс хриплым от жары голосом, но девица вместо того, чтобы ответить, спросила.

– Воду? Чай? Прохладный лимонад?

– Воду! – не раздумывая, выпалил Макс и криво усмехнулся. – Литр!

– Да хоть пять! – девица кивнула на кулер и снова с искренней улыбкой посмотрела на опешившего от такой наглости парня.

До него начало доходить.

– Так это ты та стервочка, что мне звонила?!

– Попрошу без оскорблений! – не переставая улыбаться, предупредила та. – Я всего лишь выполняла работу. И если вам не нужны старинный особняк и поместье Воронцовых стоимостью в пятьдесят миллионов, тогда не смею задерживать. Дверь за вами.

Какое там! Услышав сумму, в какую оценивалось его наследство, Макс побурел. Вот оно! Быстрая продажа «семейного склепа» и спасение фирмы! И еще открытие с десятков филиалов по Подмоскovie!

– Ладно, вода подождет, – как ни в чем не бывало отмахнулся он и уселся напротив девицы. – Где завещание?

– У нотариуса! – Девица перестала улыбаться и указала на единственную черную дверь, на которой золотыми буквами было написано «Ковальский И. Э. и компания». – Проходите. Игорь Эдуардович ждет вас.

Максим поднялся и направился к двери. Без стука распахнув ее, он шагнул в прохладный полумрак.

Ничего так себе хоромы у этого Ковальского И. Э.! Стены затянуты черным бархатом, на котором за отполированными стеклами, заключенные в кричащие дороговизной рамки, золотыми самородками поблескивали фотографии незнакомых мужчин и женщин. Видимо, та самая «компания». Матовый свет лился с потолка, создавая атмосферу таинственности и какой-то похоронной мрачности. У стен стояли изысканные кожаные диванчики, а на гигантском черном столе, расположенном у огромного окна, даже журчал настоящий фонтанчик.

Просто королевские апартаменты! Только короля не наблюдалось.

Макс прошел к столу, выдвинул массивный стул и, прежде чем сесть, громко кашлянул.

Словно в ответ, черный бархат зашевелился, и из скрывающейся за ним двери показался невысокий, полноватый, явно страдающий одышкой человек лет сорока – сорока пяти. Увидев бесцеремонно разглядывающего его гостя, толстячок расплылся в улыбке и засеменил к столу.

– Мое почтение! – Он плюхнулся в кожаное кресло, тронем стоявшее во главе стола, и, вытерев платком лоб, без предисловия начал. – Максим Александрович! Как я счастлив, что вы так быстро посетили нас! Скорблю о вашей утрате, но дела прежде всего! Как вам уже известно, Захаров Александр Петрович оставил завещание, в котором указал вас как единственного наследника поместья и усадьбы, принадлежавших роду Воронцовых.

– Так! Стоп! А вы уверены, что я именно тот, кто вам нужен? – говорить этого очень не хотелось, но Максим был честным, и даже свалившиеся неожиданным образом миллионы не могли заставить его пустить на самотек желание докопаться до правды. – Ведь Воронцовых в Москве очень много.

– Согласен! – снова заулыбался нотариус. – Но в вашем случае ошибка исключена. Полгода назад ваш дедушка обратился ко мне с просьбой составить завещание. Также он указал ваши паспортные данные, вашу дату и место рождения, имена ваших родителей и номер телефона. Поэтому найти вас не составило никакого труда.

– Телефона? – Макс нахмурился. Он сменил номер всего неделю назад! Как же этот мифический дед смог узнать о нем, да еще полгода назад? Или, может, речь идет о домашнем телефоне? – Но...

– Да вы не переживайте! – Игорь Эдуардович снял трубку с аппарата и заискивающе попросил: – Инночка, не принесете нам воды со льдом?

– Да я и не переживаю! – Макс сглотнул в предвкушении самого вкусного напитка в этой стоявшей уже несколько недель жары. – Если вы хотите отдать мне такие деньжищи – кто же запрещает!

– Речь идет не о деньгах! – нахмурился нотариус, аккуратно водружая трубку на место. – Речь идет о памятнике культуры! Поместье Воронцовых построено еще в восемнадцатом веке, но, увы, до сих пор не попало в руки государства, наверняка бы сохранившего историческую ценность этой усадьбы. Насколько мне известно, дом всегда имел хозяина и являлся частной собственностью, и теперь он в ваших руках. Вы можете отдать его под музей, а можете жить сами. Последний его хозяин даже додумался открыть в усадьбе что-то типа гостиницы.

– Но мне не нужен этот дом! – Макс смерил взглядом девушку, незаметно вошедшую в кабинет с подносом, на котором поблескивали стерильной чистотой два наполненных водой бокала. – Мне нужны деньги! Надеюсь, я могу продать усадьбу? Я имею право распоряжаться своей собственностью как хочу?

– Безусловно! – Игорь Эдуардович благодарно кивнул девушке, проследил, когда за ней закроется дверь, и взял стакан. – Вы можете отказаться от дома в пользу города и получить причитающиеся вам десять процентов от стоимости. Вы можете выставить его на аукцион, когда пройдет необходимое для оформления документов время. Либо вы можете сдавать его...

– А как быстро я смогу организовать аукцион? А что, идея хорошая! Выставить за первоначальную стоимость и выручить миллиона на два или три побольше!

– Аукцион вы сможете организовать хоть завтра! – улыбнулся толстяк. – А вручите ключи от особняка счастливому обладателю где-то через месяц, время, которое нужно для оформления всех документов.

Максим помолчал, раздумывая. Просрочка по долгам фирмы в месяц грозила весьма большим количеством нервов, но благодаря аукциону он сможет отдать и долги и проценты, которые за этот месяц нагорят.

– Где документы?

– Сейчас! – Нотариус выдвинул ящик стола и шлепнул на стол кожаную папку. – Здесь завещание, некоторые счета и документы, оставшиеся от прежних владельцев. Прошу. Ознакомьтесь.

Он протянул папку Максиму. Тот с каким-то неведомым трепетом взял ее в руки и осторожно раскрыл. Он не знал, что ожидал увидеть, но явно не новенькое с голографическим знаком завещание, в котором скупно говорилось, что его новоиспеченный дед оставляет поместье и пять гектаров земли своему внучатому племяннику. Дальше в новенькой мультифоре хранились какие-то документы, но Макс решил не тратить время на их изучение и с готовностью взглянул на внимательно наблюдавшего за ним толстячка.

– Отлично! Что я должен делать дальше?

– Для начала расписаться здесь и здесь. – Нотариус выудил из ящика стола толстенный журнал и, раскрыв, ткнул пальцем напротив его фамилии. Максим чиркнул предложенной ручкой закорюку. – И еще: прежде чем вы пройдете к секретарю, я должен сообщить о последней воле покойного.

– У него завалился еще один особняк? – За усмешкой Макс попытался скрыть тревогу. Уж больно пафосно нотариус сообщил о «последней воле». Сейчас окажется, что на усадьбе миллионные долги и он должен будет оплатить их в кратчайший срок. Или еще чего похуже! Хотя куда уж хуже?

– Увы. – Толстяк с милой улыбкой развел руками, и в его толстых пальчиках, черт его знает откуда, появился небольшой, но пухлый конверт. – Александр Петрович просил передать вам свою последнюю волю. А именно: вы должны находиться в особняке «Лисий Яр» после похорон ровно в шестнадцать ноль-ноль.

– После похорон? А когда они состоятся? – Не было печали! Сейчас еще и похороны заставят оплачивать...

– Они состоятся послезавтра, в среду. Ваш родственник упокоился сегодня утром, а я стараюсь не откладывать дела в долгий ящик.

– Хорошее качество. Я выполню последнюю волю покойного...

– Уверены? – нехорошо прищурился Игорь Эдуардович.

– Абсолютно! – Максим поднялся.

– Ну... – На лоснящемся лице снова заиграла благодушная улыбка, но сейчас она напомнила Максиму улыбку кота, только что сожравшего мышь. – Тогда не смею больше задерживать. Пройдите со всеми документами к Инночке, она сделает необходимые копии и скажет, какие еще бумаги понадобятся для оформления наследства. Всего хорошего, Максим Александрович. Еще увидимся...

– Всего хорошего... – Макс поднялся и, крепко сжимая драгоценную папку, направился к двери, пытаясь не обращать внимания на мерзопакостное чувство, возникшее на душе после последней фразы. – Еще увидимся.

* * *

Лиза распахнула глаза и долго бездумно смотрела в белоснежный потолок, вспоминая сон. Даже и не сон, а... реальность, что ли? Как будто в этих странных, порой страшных, беспокойных снах была вся ее жизнь. Настойчивая трель телефона заставила Лизу вздрогнуть. Вытащив аппарат из-под подушки, девушка поднесла его к уху.

– Да?

– Проснулась? – голос отца звучал на удивление бодро и многообещающе.

– Почти... – Девушка перевела взгляд на льющееся в окно солнечное майское утро. – Ты где?

– На полпути к дому. Есть разговор!

Удивительно! После смерти мамы их общение сводилось к пожеланиям доброго утра и спокойной ночи. Ах, нет! Еще короткие ответы на ее вопросы. Да и нет. А тут – РАЗГОВОР! Возможно, она бы даже обрадовалась, если бы не было так странно.

– О чем? – Лиза даже затаила дыхание в ожидании ответа, но отец остался верен себе, и связь оборвалась.

Перевернувшись на другой бок, она отложила умерший телефон, вновь вспоминая сон... Сны интересовали Лизу гораздо больше, чем предстоящий долгожданный разговор. Ее психолог говорил, что в них ее подсознание пытается справиться с болью потери. Может, поэтому Елизавете снятся мрачные, безысходные сны?

Надо сегодня же позвонить Сигизмунду Марковичу и назначить встречу. Девушка устала видеть смерть, устала просыпаться с мрачными предчувствиями. Устала видеть маму и не иметь возможности кому-либо об этом рассказать!

Вскоре из открытого окна донесся звук подъезжающей машины.

Отец!

Хватило пяти минут, чтобы соскочить с кровати и, наспех ее застелив, одеться. Выйдя из комнаты, девушка направилась в столовую, когда дверь в холл открылась, впуская его.

– Привет.

– Привет, па. – Она по привычке ему улыбнулась и по привычке не обиделась, не увидев улыбки в ответ. Может, его бодрый тон оказался одной из иллюзий, что ей подсовывал разум? – Что-то случилось?

– Пока не случилось. – Отец прошел на кухню и тяжело опустился на стул. За три года после трагедии он сильно постарел. Некогда высокий, спортивный, жизнерадостный мужчина

превратился в развалину. Было время, когда они всей семьей путешествовали, проводили шикарные праздники, отдыхали в загородном доме... Сейчас для отца остался только бизнес. Нет, конечно, Лиза понимала, что он пытается заботиться о ней. У нее было все, о чем только можно мечтать... Кроме самого главного. Семьи. – Но случится. Через неделю тебе исполняется двадцать лет. Я хотел поговорить об этом.

Сердце полоснула горечь. Последние три года она ненавидела дни рождения. Нет, конечно, отец дарил подарки, точнее давал деньги, чтобы она могла их купить себе, но... Лучше бы он этого не делал. Лучше бы просто забывал о ней!

– Внимательно слушаю. – Лиза наполнила кружку кипятком, от души насыпала туда растворимый кофе и села за стол, старательно помешивая. Лишь бы только не встречаться с ним взглядом. Пустым, потухшим взглядом мертвеца.

– Ты уже выбрала подарок?

Она все же посмотрела на отца.

– Ты хочешь дать мне денег? – Если бы отец знал, какой приличный «подарочный» счет у нее образовался, он бы не торопился оплачивать ее очередной день рождения.

– На этот раз я сам куплю тебе все, что ты пожелаешь. Но я не об этом хотел с тобой поговорить.

Лиза не отводила от него взгляда. Отец поднялся, тоже сделал себе кофе и начал изда- лека.

– Двадцать лет – рубеж, после которого нужно принять решение, выбор, который помо- жет тебе в дальнейшем.

– Какой выбор? – Этот его менторский тон отчего-то разозлил девушку. Конечно, легче всего жить прошлым. Три долгих года она искала возможность склеить их в одночасье разле- тевшуюся вдребезги жизнь. Пыталась достучаться до отца. Объяснить, что она-то в отличие от матери – живая! И вот теперь он будет рассказывать ей про рубежи и выборы!

– Ты должна определиться с тем, кем ты будешь в этой жизни. Я... – Он замолчал, про- должая стоять, глядя в окно, звонко бряцая ложкой о фарфоровые бока кофейной чашки. – Ты все равно когда-нибудь останешься одна и будешь вынуждена занять мое место. Я пред- лагаю тебе познакомиться с делами моей компании уже сейчас, не дожидаясь этого «когда- нибудь».

Компания?

– Па, но я ничего в этом не смыслю!

– Я тебя научу...

– Но я не хочу! Мне не нравится продавать и покупать. Я не хочу стать слепцом и не видеть ничего, кроме цифр, не интересоваться ничем, кроме деловых встреч! Я не хочу! – Лиза сама не заметила, как сорвалась на крик, и, увидев больной взгляд отца, замолчала. – Пап, это я не о тебе! Ты не такой, и ты, конечно же, все видишь и всем интересуешься.

– Лиза, мне не важно, будешь ли ты руководить моей фирмой или найдешь себе занятие по душе. Мне важно, чтобы ты нашла себя, но для начала научилась зарабатывать себе на эту мечту! Понимаешь?

– Не понимаю! – Лиза стиснула губы в ниточку. Что еще он придумал?

Ответ не заставил ждать.

– Я хочу открыть тебе собственный бизнес.

– И какой?

И тут отец впервые за эти годы по-настоящему улыбнулся.

– Я хочу купить гостиницу. И знаешь где?

Лиза не ответила. Где бы ни находилась эта чертова гостиница, девушка прекрасно пони- мала, что отец просто нашел способ от нее отделаться. Чтобы лишний раз не напоминала ему о матери, о его вольной или невольной причастности к трагедии.

Он так и не дождался ответа дочери и сам восторженно выпалил.

– В бывшем дворянском гнезде! В историческом памятнике культуры! Ты же любишь все это, дочка?

Губ девушки коснулась едва заметная улыбка. Да. Она интересовалась историей, любила раскрывать ее тайны... вместе с мамой – доктором исторических наук, археологом со стажем...

– Хорошо! Я подумаю над этим.

– И дашь мне ответ.

– Дам. А где находится это дворянское гнездо?

– Где-то в Подмосковье. Более подробный адрес мне сегодня сообщит... ээ... сообщат! – поспешно закончил отец, видимо, не торопясь посвящать будущую хозяйку гостиницы в мелкие тайны бизнеса, и, сделав глоток, поставил кружку на стол. – Чем думаешь сегодня заняться?

– Хочу сходить к Сигизмунду Марковичу.

– К Сигизмунду? – Отец нахмурился. – Я думал, что после лекарств тебя больше не мучают видения...

– Не мучают! – поспешно согласилась она и поторопилась уверить: – Лекарство просто чудо. Мама мне больше не видится. Но теперь меня начали преследовать сны. В них я вижу себя в прошлом, и там меня убивают...

Отец задумчиво пожевал губами и кивнул.

– Конечно. Если тебе нужно – иди. Возьми Владимира, он тебя довезет.

– А как же ты без водителя?

– Поведу сам.

– Может, я лучше на такси?

– Ты поняла, что нужно сделать? – Он посверлил ее взглядом.

– Поняла, па. – Лиза снова уставилась в чашку, разглядывая свое отражение на черной глади уже остывшего кофе.

– Тогда до вечера.

Он вышел. Лиза слушала гулкие звуки его шагов, пока их не обрубил стук закрываемой двери. Она ненавидела этот огромный дом с большими коридорами и массой безликих дверей. Здесь она чувствовала себя в коммуналке, где коридор – это негласная граница между суверенными территориями бедолаг, пытающихся в течение бесконечных лет ужиться друг с другом, ну или хотя бы не так явно ненавидеть.

Она помнила детство в такой берлоге, где совершенно не испытывала подобных чувств. Да и сейчас невольные воспоминания о коммуналке вызывали у девушки не сожаление о бесцельно потерянных днях, а скорее чувство какой-то волчьей тоски. Тогда у нее были друзья: брат с сестрой из соседней комнатухи. Она даже запомнила их имена: Вика и Вадим. Тогда у нее были мама и отец, который катал дочь на закорках и до полуночи читал сказки. Тогда у нее не было кошмаров и одиночества, ставшего закадычным приятелем в этом огромном, пустом доме, выстроенном отцом незадолго до гибели мамы.

Склеп! Точно! Этот дом напоминал Лизе склеп, где она похоронила мечты и надежды. Нет ничего и ничего не будет! Как бы отец ни мечтал вернуть ее к жизни, Лиза понимала всю ложь его намерений. С диагнозом «депрессивная шизофрения» вряд ли есть надежда на будущее. На ее будущее... А вот стать марионеткой ее всесильного отца – главы корпорации «Фараон» – она могла, даже не напрягаясь. Что, впрочем, и сулило его сегодняшнее предложение.

Неожиданно голос отца, донесшийся из раскрытого окна, вырвал Лизу из невеселых мыслей.

– ...Да! К тебе должна подъехать Лиза? Во сколько? Ясно. Тогда перенесем нашу встречу на шесть. Все. Буду.

В голове клубком ленивых змей зашевелились мысли.

С кем он говорил? К кому она должна подъехать? Очевидно, к его приятелю Сигизмунду Марковичу, у которого и наблюдалась Лиза. За последние два года дела у психиатра пошли в гору, он даже открыл свою практику. Явно не без помощи вливания денег Лизиного отца.

Не дожидаясь горничной, Лиза ополоснула посуду и направилась в комнату. До визита к врачу у нее в запасе еще три часа. Отлично. Можно будет сделать то, что она так долго хотела, а именно, сменить гардероб, оставив в этом доме свои старые вещи, кошмары и болезнь...

Войдя в комнату, девушка щелкнула пультом, и жалюзи поползли вверх, позволяя яркому майскому солнышку вызолотить белые стены, рассыпаться огнем по рыхим прядям волос девушки, поставить на ее вздернутом носике еще парочку крошечных веснушек и поселиться в ее зеленых, как воды Чистых прудов, глазах, навсегда прогоняя тоску и страх.

Распахнув окна, Лиза с жадностью втянула в себя чистый весенний воздух, тонко пропитанный ароматом распустившейся на днях сирени, и вдруг улыбнулась.

И пусть! Пусть будет все что угодно, только бы выбраться из этой тюрьмы! Да! Почему нет? Она согласна стать Лизаветой Сергеевной, заведующей подмосковным отелем. Даже нарицует ему для начала три звезды и докажет себе, отцу да и всему миру, что не сумасшедшая! И если она видит призрак мамы... ну и что? Кто-то видит НЛЮ, но его же не травят таблетками. Посмеялись и забыли! Так почему она должна пить всякую гадость только потому, что отец не верит ей? Да и врач тоже. И папашина прислуга... Почему Лиза должна днем ходить как сомнамбула, а ночью попадать в персональный ад?

Правильно! Не должна!

Встав так, чтобы попасть в поле зрения всевидящего ока камеры, Лиза взяла с тумбочки ярко-зеленую баночку, демонстративно достала маленькую пилюлю и проглотила ее. И даже поморщилась!

Отец всегда просматривает записи. Она как-то видела его ночью, когда он уснул с бутылкой виски перед телевизором, где его дочь танцевала, ела, пила таблетки, читала, спала, снова танцевала и опять пила таблетки.

Закрыв баночку, Лиза сунула ее в сумку и, взяв из гардероба линялые джинсы и пеструю, под стать жаркому дню, футболку, юркнула за ширму. Надо подарить Анне французские духи. За то, что горничная пару месяцев назад купила эти безобидные витамины, да не одну, а целых пять баночек, Лиза уже подарила ей конфеты, но она также понимала, что вовек не расплатится. Девушка уже и забыла, каково это жить, а не существовать от кошмара к кошмару, которые дарили ей лечебные пилюли Сигизмунда Марковича.

Подменить лекарство на витамины было не просто, но она справилась. Для начала выкрутила лампочку в ночнике, который совершенно не попадал в угол обзора камеры, но включался сам, едва Лиза гасила основной свет. Ну а пересыпать в темноте пилюли и поставить баночку на место не составило труда.

Хотя, скорее всего, вся эта операция по освобождению от безумия была придумана совершенно зря. Подмени она баночки, не совершая всех этих манипуляций, – и результат был бы тот же. Отец уже привык, что его дочь – безропотная овечка, не способная на бунт. Вряд ли он присматривается. Главное сам факт.

Успокоив себя этими мыслями, Лиза быстро переоделась и вышла из комнаты.

На веранде дома сидели водитель и охранник и, не замечая ничего, пялились в телевизор, где шла очередная «стрелялка-убивалка». Даже если бы сейчас Лиза прошла мимо них на ухах, они бы, наверное, этого не заметили. Все настолько привыкли к ее безликости и незначительности в этом доме, что на миг стало обидно. Пора все менять!

Лиза прошла к двери и, повернувшись к подчиненным отца, звонко приказала.

– Володя, у меня сегодня дела, так что собирайся, ты – мой кучер!

Водитель сперва даже не понял, откуда исходит голос, столь нагло вырвавший его из мира киногрез, и поэтому добрых несколько минут непонимающе хлопал глазами, переводя взгляд с товарища на телевизор, а после на Лизу, явно считая ее предметом обстановки. Наконец, когда она повторила приказ и, распахнув дверь, начала спускаться по каменным ступеням, до него дошло.

– Лизавета Сергеевна! А я и не понял сразу... умотался за ночь... Так и не прикорнул ни разу. – Он подхватил фуражку и рысью кинулся следом, неумело оправдываясь. – У вашего отца такая невероятно... трудная жизнь! То к б... банкирам, то на пь... приемы... Ни минутки не поспал.

– Все в порядке. – Лиза дождалась, когда водитель откроет перед ней дверцу белоснежного «Мерседеса», подаренного папочкой на восемнадцатилетие, и уселась на заднее сиденье.

Владимир захлопнул дверцу, обогнув машину, плюхнулся за руль, и, нажав на пульте кнопку автоматического открывания ворот, обернулся к девушке, сверкая раболепной белоснежной улыбкой.

– Куда едем?

Куда? А и правда? Куда? В конце концов, она никогда не покупала себе вещи сама, а подстраиваться под вкус отца или домработницы хотелось все меньше и меньше!

– В торговый центр «Фараон». Хочу походить по империи папочки и выбрать себе к предстоящей поездке несколько вещей. – Она улыбнулась ему в ответ, задорно отбросив назад порядком отросшую челку.

Теперь взгляд водителя стал испуганным. Ну еще бы, он, наверное, до этого дня и не знал, что Лиза умеет говорить. Впрочем, неудивительно. Когда от «замечательных» лекарств, прописанных добрым «Айболитом», в голове каша из реальности и кошмаров, то о своих возможностях просто забываешь!

– На дорогу лучше смотри, Володя, – посоветовала она, чувствуя, как ее переполняет чувство радости и гордости за первую одержанную победу.

Видимо, слухи об окончательном помутнении сознания хозяйской дочки разлетелись очень быстро по всему «Фараону», и, судя по всему, виной тому стал Володя, раструбивший всем о ее желании заняться шопингом. Когда? Да кто его знает? Может, когда выходил на заправке? Всего-то дел: предупредить знакомого охранника, чтобы тот сообщил подружке и... завертелось-завелось «сарафанное радио».

Когда они подъехали к главному входу, у его дверей столпились все охранники, какие только могли. Двое тут же закружились возле Лизы, лично изъявив желание проводить важную гостью к царству модной одежды из лучших модельных домов старушки Европы. За зеркальными стенами девушка попала в цепкие лапки не прекращающих улыбаться ей продавцов-консультантов. Минуло без малого два часа, когда она вышла из зеркального плена удивительно похорошевшая, в ярко-красном сногшибательном платье, а стройные длинные ножки были обуты в черные туфли на дерзкой шпильке. Но метаморфозы случились не только с ее телом, нежащимся в непривычной для нее роскоши. Ее рыжие непослушные волосы теперь были собраны на затылке в длинный хвост, идеальными кудряшками падающий на открытую спину. За ней шагали все те же охранники, нагруженные, как верблюды, самыми элегантными нарядами и туфельками.

– Лизавета Сергеевна, куда нести ваши покупки? К машине? Или сразу к вам домой курьером отправить? – приветливо поинтересовался один из них, но Лиза услышала в его голосе раздражение. В сердце тут же плеснула вина и неуверенность. Зачем она сюда приехала? Накупила столько дорогих вещей? Заставляет людей тратить силы и время...

Она обернулась.

– Отнесите пожалуйста все к машине. Я сама отвезу покупки домой. Дело в том, что мне нужно обновить гардероб... У меня скоро будет работа... – Лиза хотела добавить что-то еще, но увидела в глазах помощников только вежливую скуку и безразличие.

Им все равно! Каждому в этом огромном торговом центре наплевать на нее и на ее планы. Все знают, что наследница папочкиных миллиардов – сумасшедшая, и, наверное, воспринимают ее визит сюда как бесплатное шоу! Эти мысли вдруг заставили девушку разозлиться. Не на этих отцовских марионеток, а на всю свою жизнь. На себя за то, что не смогла промолчать о том, что видит маму, за то, что позволила заклеить себя диагнозом, за то, что не отстояла свой дар и свой талант – жить танцем. А ведь пять лет назад Елизавета стала победительницей на европейском конкурсе бальных танцев среди подростков...

Вскинув голову, она резко развернулась, чтобы продолжить путь, и едва не врезалась в незнакомца, пытающегося проскользнуть мимо нее в бутик, из которого она только что вышла.

Хотя слово «проскользнуть» – было несколько неуместным в отношении этого высоченного широкоплечего детины, наверняка, если судить по фигуре, проводившем все свободное время в тренажерных залах.

– Что ж это вы на людей бросаетесь, девушка! – и голос под стать. Низкий, властный, не признающий в звучании полутонов. Его руки сцепились у нее на талии, защищая от падения, позволив вернуть равновесие, и разжиматься явно не собирались.

Лиза сжалась в комочек, чувствуя себя по сравнению с ним лилипутом. Набравшись смелости, она взглянула на мужчину, собираясь пролепетать извинение, но, встретившись взглядом с его насмешливо прищуренными глазами, вдруг замерла, не смея отвести взор, и неожиданно для самой себя выдала:

– А я местный псих, мне положено! Что касается вашей внешности... я, пожалуй, отнесла бы вас к роду искусителей, а никак не к роду людей. Значит, ваша фраза абсурдна, и в этой ситуации на людей я не бросалась...

– Че-го? – парень явно не ожидал услышать что-то подобное от расфуфыренной девицы и рассматривал ее теперь с нескрываемым изумлением. – Че-го?!

– Так вы еще и глухой? – Лиза сочувствующе вздохнула. Уверенно высвободившись из его рук, она направилась напрямик к выходу, чувствуя буравящий спину взгляд, и, только выйдя под раскаленное солнце, девушка позволила себе испугаться. Интересно, что на нее нашло? Вместо того чтобы извиниться или вообще промолчать, она отчебучила такое! Да еще на глазах у охранников. Теперь все в «Фараоне» узнают об этом, и ее диагноз подтвердится.

На негнущихся ногах она дошла до машины. Не дожидаясь помощи водителя, сама открыла дверь и плюхнулась на заднее сиденье. Когда пакеты с покупками стараниями охранников перекочевали в багажник, Володя вежливо уточнил:

– Куда теперь, Лизавета Сергеевна?

– К моему врачу, – буркнула Лиза и, открыв мини-бар, с наслаждением выудила бутылочку минералки. Наверное, это все жара.

Сигизмунд Маркович ее ждал. Более того, он явно был чем-то взволнован, но заметив Лизу, заставил себя улыбнуться и гостеприимно указать на мягкое кожаное кресло.

– Мое почтение, Лиза. Присаживайся. Мы договаривались встретиться, когда ты закончишь курс лечения, чтобы сравнить наши результаты. Что-то случилось?

– Нет, наверное... – Она прошла в кабинет, но садиться на диван не стала. Опустилась на высокий стул у письменного стола. – Просто я снова увидела маму. Два дня назад, но... наверное, я промолчу о ней. Я понимаю, что, основываясь на показаниях призрака, виновных не накажешь. К тому же отец хочет подарить мне бизнес... подальше от столицы. Я думаю, это идеальное решение проблемы...

Сигизмунд Маркович задумчиво покусал губы и наконец улыбнулся.

– Прогресс налицо! Более того, я могу заявить, что наконец-то ты оправилась от смерти матери. Но... лекарства я бы все же посоветовал попить.

– А сегодня я поняла, что хочу перемен! Я устала сидеть в клетке, выстроенной отцом. Я хочу начать жизнь заново!

– Что ж, это похвальное желание, и оно подтверждает, что ты наконец-то выздоровела. К слову, а что за бизнес тебе предлагает отец? – Врач скрестил пальцы и уставился на девушку немигающим взглядом.

– Гостиница, кажется... – отмахнулась она, – да это и не важно! Наконец-то я смогу избавиться от прошлого! Кстати... в последнее время меня тревожат сны... Вообще-то они мне снились и раньше, но сегодня я увидела свою смерть. А еще мне показалось, будто за окном не двадцать первый век, а глубокое Средневековье. И человек со шрамом на лице... Мне было по-настоящему страшно и тоскливо...

– А что тебе говорил человек со шрамом? – вдруг спросил психолог.

– Ничего. Если честно, я и не помню... – Лиза поежилась, словно был не жаркий день, а вьюжная февральская ночь.

– Ничего страшного. Это твое подсознание хочет тебе что-то сказать. Главное, позволить себе понять. А сейчас, пока ты здесь, мы снова проведем сеанс гипноза. – Сигизмунд поднялся, подошел к Лизе и, взяв ее за руку, мягко, но властно заставил пересесть на диван. – Откинь голову, смотри мне в глаза и слушай. Как только я досчитаю до девяти, ты вновь окажешься в своем сне и будешь рассказывать мне все, что увидишь и услышишь. Договорились?

Лиза кивнула. Она не любила такие погружения. Да! Она что-то видела, рассказывала, но после выхода из транса забывала абсолютно все! И хотя Сигизмунд убеждал, что ничего важного в ее рассказах нет, Лиза знала, что он что-то утаивает.

– Договорились. – Она обреченно уставилась в его темные глаза и вскоре поняла, что слышит голос врача как бы издалека.

– ...шесть, семь, восемь, девять...

* * *

Землю накрыли прозрачные летние сумерки. К вечеру душная жара спала, и дышать стало легче. Пролившийся было дождь тяжелыми каплями прибил пыль да распугал назойливую мошкарку, а в воздухе стоял запах недавней грозы. По раскатанной дороге плелась телега, запряженная пегой лошадкой. Телега скрипела и стонала, подскакивая на ухабах. Только набившиеся в нее люди не замечали неудобств. На усталых, изможденных лицах не отражалось почти никаких эмоций, точно и не люди это, а чурбаны деревянные.

Возница, молодой крепкий парень, покрикивал на тощую лошадку, виня ее во всех бедах сразу:

– Что же ты, окаянная, едва копытами переступаешь? Мы же из-за тебя до самой ночи не доберемся. Ребятишки хнычут, а тебе хоть бы хны!

– Захар, помолчи чуток, – осадил его старик, сидевший в телеге у самого края, – благодари, что жива еще кобылка, пешком не идем, и то слава богу.

– Степаныч, а давай я тебе козлы уступлю и буду с мягкой соломки тебя хаять. А? Хорошо сидишь-то? Вот и помалкивай, а меня не учи. – Парень что было сил хлестнул лошадку по крупу, отчего та рванула вперед. Из телеги понеслись разноголосая брань и детский плач.

– Вот ведь супостат, – старик покачал головой, вцепился скрюченными пальцами в борт телеги и, оглянувшись на переполошенных людей, спросил: – Все целы? Варвара, угомони пацанят, скоро уж приедем, знаю я эти места. За пролеском усадьба будет, при ней деревенька. Авось и не откажут в ночевке.

Захар примолк, натянул поводья, лошадка пошла потише. Понял, что напрасно сорвался, но виниться не стал. Еще чего не хватало, чтобы Варвара его слабость увидела. Она и без того его к себе близко не подпускает, а чуть покажи себя с дурной стороны, вообще в глаза смотреть откажется. А взгляд у нее точно русалочий. Глазищи большие, зеленые, ресницы пушистые. Да носик вздернутый, весь веснушками усыпанный.

Варя попала к ним совсем соплячкой. Степаныч о том говорить не любил, но вроде как сиротой она осталась. Девчужку ему то ли подкинули, то ли старик сам сиротку пожалел, теперь уже и не важно, прижилась она и к дороге быстро привыкла, почти не капризничала. Только ночами все, как в бреду, мамку звала. Захар тогда уже совсем взрослым был, почитай двенадцатый годок шел, и Варвару он взялся защищать как младшую сестренку. А как подросла, понял вдруг, что пропал. Поначалу и не приходило в голову ничего такого. Отгонял от нее ухажеров, так обидают ведь. Что видеть ее постоянно хочет, опять же надзор. И не ревность это вовсе, как Степаныч любил повторять. А старый черт улыбался, глаз шурил да приговаривал:

– Не твоего она поля ягодка, Захар. Сам видишь, какая красавица выросла, расцвела, что роза в саду царском. Не дури, откажись от помыслов своих, пока не поздно. Сам себя этой любовью погубишь.

Захар отнекивался и огрызался. Какая, мол, Варька роза? Чисто репей. Колючая да вредная. И не ревнует он ее вовсе. Да только как глянет девка взглядом своим зеленым, гривой огненной качнет, так у Захара земля из-под ног уходит. Неужто и правда влюбился? А если и так, то что? Степаныча что ли слушать, который уже и себя не помнит, ему сто лет в обед? Что бы он понимал, старая колода? Варя привыкла видеть в Захаре только брата, но ведь это не беда. Он из кожи вылезет, чтобы она поменялась к нему. Иначе и жить не стоит.

Захар украдкой обернулся, посмотрел на свою зазнобу, едва сдержав улыбку. Вон как она с ребятишками ловко управляет. Только ведь ревели, а теперь, погляди, притихли и жмутся к ней, как котята озябшие. Хотя и не холодно, лето на дворе. Интересно, о чем она сейчас думает? Всяко не о том, о чем он. Что однажды вот так же и их с Захаром ребятишки будут к ней прижиматься и ластиться. И не будет больше этой дороги бесконечной. Осядут они где-то, Захар дом сладит, хозяйство заведут. И заживут душа в душу.

Варя перехватила взгляд возницы, и в зеленых ее очах сверкнула искорка. Парень живо отвел глаза и уставился на дорогу.

Варвара никогда не принимала неумелые ухаживания Захара всерьез. Большой, точно медведь, волосы вихрами нечесаными и груб не в меру. Парень гонял от нее ухажеров, словно была она его собственностью, не иначе. Варя злилась и обижалась. Иногда до того докучал, что хотелось спрятаться, но она считала его родным братом, была за многое благодарна, потому не могла вот так от себя оттолкнуть. Только понимала Варя и то, что Захар от своего не отступится, старалась от него отдалиться, но не сразу, а постепенно. Держалась больше в стороне, на разговоры не шла, сказывалась уставшей, если он звал прогуляться. Высказать бы, что не любит она Захара, облегчить душу, так он ведь сам не идет напрямую. Все увертками да ужимками, извивается, что уж на углях, а не говорит ничего. Уж лучше бы сразу все разъяснить, и буде. Больно ему станет. Так пройдет. Не вечно же страдать и маяться. Встретит другую и забудет Варвару. Да и она не может всю жизнь с артистами кочевать. Устала. Ноги от плясок болят, мозоли почти не заживают. Не ее эта жизнь – чужая. Никто не спросил Варю, хочет ли она себе такой судьбы.

Перед глазами поплыла пелена непрошенных слез, которые принесли воспоминания. Отца своего она не знала, его медведь заломал, когда Варвара и на свет еще не появилась. Матушка, пока не захворала, одна дочь растила. Варе шестой годок пошел, когда матушка померла, промаявшись в горячке три ночи. Ни бабушек, ни дедушек у девочки не осталось, а кому сирота

нужна беспризорная? На другой день после похорон матушки к ним в деревню приехали бродячие артисты. Народ собрался поглазеть, а про нее вроде как и забыли. Так и сидела Варя одна на порожке, размазывая кулачком слезы обиды и гладила кота Тимофея. Он ластился к ней и мурлыкал, наверное, потому, что сам был таким же брошенным сиротой.

– А ты чего тут одна сидишь? Почему не пошла представление посмотреть?

Варя подняла голову и увидела старика с длинной седой бородой. Тимофей выгнулся дугой и зашипел. Не любил он чужаков.

– Не хочу.

– Как же такое может быть? – старик удивился и пригладил бороду широкой ладонью. – Там леденцы раздают, а тебе теперь и не достанется.

– Не люблю я леденцы. – Варя сжала губки. Леденцов она и вовсе не пробовала. У матушки денег на сладости не хватало. И на ярмарку она Варю водила, только чтобы продать корзинку яиц, что несли куры, да полведерка молока от козы Маньки.

– Все маленькие девочки любят леденцы, – стоял на своем старик.

– Я не маленькая. – Варя подхватила двумя руками котейку и хотела уйти в дом, но услышала окрик соседки тётки Глаши.

– Варька, ты чего тут расселась? Я тебя по всей деревне искала, чтобы на артистов отвести посмотреть. Опять с этим паршивым лобзаешься. Тьфу!

Старик тоже оглянулся на окрик, а потом посмотрел на Варю.

– Тимка не паршивый, у него даже блох нет, – тихонько сказала девочка, прижав к себе несопротивляющегося кота, – а тетя Глаша меня вовсе не искала, я здесь с самого утра сижу. И никому я не нужна, потому как мамка померла, и я теперь...

Она не смогла договорить. В горле встал колющий ком, а из глаз брызнули злые слезы. Кот вывернулся у нее в руках и лизнул в щеку. Но Варя никак не могла успокоиться. Она рыдала в голос, запрокинув голову. Тетя Глаша недовольно махнула рукой и направилась к девочке. Варя знала, что тетка запросто может наподдать, как лупит она своих детей. Испугалась и прильнула к старику, ища защиты. От него девочка чувствовала доброту и потому совсем не боялась.

– Ты что это на мою внучку бранишься? – старик погладил Варю по голове. – Она мне уже рассказала, что никто ее с самого утра не хватился. А если бы дите в лес убежало?

– И не велика беда, – вдруг сорвалась тетка, – у меня своих семеро по лавкам, сладу с ними нет. Не хватало мне еще брошенок подбирать. По доброте душевной присмотрела, вот еще и тумачков получила. И что же ты внучку только теперь вспомнил? Где раньше-то был?

Соседка брызгала слюной и трясла кулаком в воздухе, покрасневшись, что созревший помидор. А потом плюнула под ноги старику, и не дождавшись разъяснений, пошла прочь.

Варя не хотела отпускать своего спасителя и только крепче прижалась к нему. Старик все понял и, мягко отстранив от себя ребенка, присел перед девочкой на корточки.

– Так ты, выходит, сирота?

Девчушка кивнула, с трудом сдержала вновь набежавшие слезы и уткнулась в мягкий кошачий бок.

– Вот что, собирайся-ка ты, и пошли со мной. Ну, чего стоишь? – увидев Варину замешательство, старик положил широкие ладони ей на плечики и подтолкнул в сторону дома. – Забери, что в дороге пригодится, да поедем.

– У меня нет ничего ... дедушка. Только вот Тимка. Но ты ведь его не возьмешь с собой. Зачем тебе лишний рот?

Зеленые, зеленее молоденькой травки, детские глазенки с надеждой посмотрели на старика, и у того сердце едва не выпрыгнуло из груди от жалости.

– Тебя кто таким глупостям научил? – вместо ответа спросил он.

– Тетя Глаша так сказала, когда я к ней жить попросилась, – бесхитростный ребенок выдал правду как на духу. – Она на самом деле не такая злая, только устает шибко, вот и кричит иногда.

– Не злая, говоришь. – Старик взял маленькую Варину ладошку в свою руку, – ну, идём.

Варя отпустила кота и поцеловала его в нос. Тимофей мурлыкнул и остался сидеть на месте. Только взглядом обжег, почти человеческим. Девочка отвернулась и кивнула, давая понять старику, что готова идти.

– А чего это ты друга своего оставила? – усмехнулся старик, забирай с собой, авось не съест он много.

Улыбка на детском личике расцвела ярким маковым цветком. Варя подозвала котейку и сцапала на руки, прижав посильнее, пока этот добрый старик не передумал.

Василий Степаныч был самым старшим в труппе бродячих артистов, никто и не вспомнит, откуда он появился и как собрал вокруг себя народ, но слову его перечить не смели. Поэтому, когда он привел маленькую напуганную девчушку, прижимавшую к груди кота, такого же рыжего, как она сама, ей просто уступили место в телеге и накормили вкуснющей кашей.

Варвара потрясла головой, отгоняя воспоминания. Вокруг уже совсем стемнело, и Захар правил лошадку разве что не на ощупь. Мимо, насколько хватало взгляда, проплывали поля. Зеленые при свете дня, теперь же они казались черными и бескрайними.

– Захар, – от неожиданного окрика Степаныча Варя вздрогнула, – ты куда нас завез? Уже давно деревня должна быть. Или снова придется в поле ночку коротать?

– Степаныч, не шуми, – добродушно ответил тот, – вон впереди огоньки теплятся, авось не промахнусь.

Музики и бабы, которые до сих пор спали, зашевелились, разминая затекившие ноги, радостно загомонили.

– Тише вы, – осадил Степаныч, – не приехали еще. Кому не терпится, может за телегой бежать.

Несмотря на поздний час, навстречу телеге высыпал народ. Степаныча теперь уже никто не слушал, музики прыгнули на землю, помогли выбраться бабам. Сонные ребятки терли кулачками глаза, но стояли смирно, не капризничали.

На гостей смотрели настороженно. У Вари на душе заскребли кошки от недоброго предчувствия. Чего бы деревенским в такое время по дворам разгуливать? Может, приключилось чего? Да вроде тихо вокруг, даже собаки молчат. Только где-то вдалеке заливается соловей.

– Здравия вам, добрые люди. – Степаныч, кряхтя и постанывая, спустился с телеги. Захар видел, но помогать нарочно не стал, затаил обиду на старика. – Уж простите, что в столь поздний час нарушили ваш покой, но и вы нас поймите. Артисты мы, колесим по деревням да весьям, народ веселим плясками, шутками-прибаутками. Заблукали вот. Коли не откажете в ночлеге и ужине, оплатим по совести.

Вперед вышел не старый еще мужик, с буйными русыми кудрями. По выправке похожий на военного, он встал впереди, точно закрывая собою остальных.

– Коли пожаловали, не прогоним. Удобствами особыми не располагаем, переночевать на гумне можете. А отужинать в моем доме милости прошу. Староста я местный.

Степаныч пригладил бороду и посмотрел в стремительно затягивающееся чернотой небо. Тяжелые, буристые тучи обжигали всполохи молний, а где-то высоко гремели раскаты грома. Не простая была гроза, совсем не та, которая застала их в пути совсем недавно. Тучи, будто живые, бурлили, кипели, точно в небесах разыгрался нештучный шторм. Гром грохотал все сильнее, заставляя сердце замирать. Молнии вспарывали воздух, змеями вились к земле, точно старались дотянуться до чего-то или кого-то.

Местные в едином порыве бросились креститься и, как показалось Степаньчу, посмотрели на своего старосту с надеждой и затаенной мольбой. Тот нахмурил брови, исподлобья оглядел народ, но ничего не сказал, только рукой махнул, приглашая следовать за ним. Развернулся спиной и, ссутулившись, побрел по тропе.

Обратно в телегу никто забираться не стал, пошли пешком.

Захар, воспользовавшись моментом, кинулся к Варваре. Оттеснил от нее Матвея, который уж больно близко подошел и попытался взять девушку под руку.

– Варька, садись, давай я тебя довезу. Со мной не страшно.

Она ловко вывернулась и улыбнулась, вроде как виновато.

– А я не боюсь, Захарушка. С чего ты взял?

– С того и взял, что не слепой! – огрызнулся Захар. Отчего же она колючая такая? Ей богу, репей!

– А коли тебе страшно, то вон за Степаньча держись, – подковырнула его Варя, – не смотри, что старик, он любому молодому фору даст.

Захар надулся, как индюк, влез на козлы и всю дорогу ехал молча. На Варю даже не смотрел. А если бы посмотрел, то увидел, с каким облегчением она приняла его обиду.

Варя вошла в дом старосты последней, хотела дожидаться Захара, извиниться. Он неплохой парень, только не понимает, что не пара они. Но тот нарочито медленно распрягал лошадку, потом так же не спеша, точно ленился, стреножил ее и принялся чистить пучком сорванной травы тощие бока.

В небе снова прогрохотал гром, и первые тяжелые капли упали в траву. Варя не стала больше ждать и вошла в душную темноту дома. Под ногой тут же что-то хрустнуло. Наклонившись, девушка пошарила рукой и подняла с пола деревянную лошадку. Значит, в доме есть маленький ребенок, а это его игрушка.

В хате было жарко и тесно от набившегося народа. Варя поздоровалась с хозяевами и поискала глазами место, куда бы можно было присесть.

Степаньч что-то обсуждал со старостой, у печи возилась женщина. Она стояла к Варе спиной, но услышав шаги, обернулась. На ее совсем еще молодом лице застыла печать усталости. Под глазами пролегли тени, лоб расчертили морищинки, уголки губ скорбно опущены, а из-под платка выбивалась серебристая прядка. Недовольно взглянув на еще одну «побродяжку», она вдруг охнула, увидев в руках девушки игрушку, и зажала рот, точно боясь не сдержать крик. Староста, почуяв неладное, тотчас подошел к жене и, обняв за плечи, проследил ее полный удивления и неприкрытого ужаса взгляд. И по мере того как в его глазах появлялся страх узнавания, каменели, становясь жестче, его черты.

– Ты где это взяла? – наконец хрипло спросил он у Вари.

– В сенях нашла. В темноте не рассмотрела и наступила. Я ее не сломала, вот смотрите. – Девушка протянула лошадку старосте, но тот выхватил игрушку и, не глядя, швырнул в печь.

– Настасья, накорми гостей, а потом отведи на гумно для ночевки. Утром они уезжают, – не объясняя, приказал староста старшей дочке и вышел в сени, увозя с собой всхлиывающую хозяйку.

– Хорошо, батюшка! – Из темного угла, где под иконами на большом сундуке жались друг к другу еще две девушки лет восьми – десяти, тут же вышла девушка приблизительно Вариных лет и засуетилась у печи, где исходил паром котелок.

– Варвара, ты чего натворила? – шикнул Степаньч, после того как за старостой захлопнулась дверь, и подвинулся, освобождая для девушки место на лавке.

– Ничего я не творила. Вошла в дом, а тут эта лошадка... Ну и...

– Батюшка дюже на тебя рассердился. – Варя не сразу поняла, что тихий голосок принадлежал хлопочущей у печи девушке. – Он эту лошадку своими руками выстригал, а потом на могилу Егорушкину снес. Зачем вы ее в дом принесли? Это же грех страшный.

Варя нахмурилась. Какая могила? Она ведь эту игрушку только что с пола подобрала, о чем тут же и рассказала Настасье, но та только покачала головой и отвернулась к печи, проворно наполняя кашей деревянные миски.

Неужели не поверила? И почему все остальные смотрят на Варю и молчат? Осуждают? Да за что же? Она ведь ничего плохого не сделала!

Варя развернулась и со всех ног кинулась прочь из хаты. Пускай думают, что хотят! Еще ни разу она не опорочила себя ложью, а значит, и извиняться не за что!

Дверь распахнулась, выпуская Варю в сени, и она врезалась в могучую грудь великана. Тот не растерялся. Нежно сжал ее своими сильными ручищами, будто бы оберегая от всего враждебного мира, и низким голосом Захара спросил.

– Ну? Куда собралась? Али кто обидел?

И тут Варвара от обиды и растерянности зарылась в его пахнущую потом и лошадыми рубаху и разревелась, как дите малое.

– Кто тебя обидел? – спокойно повторил Захар, но теперь в его голосе послышалась угроза. – Отвечай, Варюш!

– Никто не обидел, Захарушка. – Варя точно снова вернулась в детство. Оказавшись среди чужих людей, она боялась только одного: что ее могут оставить прямо на дороге, и только он мог так же легко, как сейчас, развеять ее страхи. – Дай мне пройти. Хочу на улице воздухом подышать. В доме, видишь, душно.

– Куда ты пойдешь? На дворе, смотри, какой ливень! Пережди, и вместе выйдем, ежели охота. – Он отстранил ее от своей вымокнувшей до нитки рубахи и отряхнулся, точно медведь, обдав подругу холодными каплями, сорвавшимися с его чернявых, точно у цыгана, кудрей.

– Тогда в сенях постою, – согласилась Варя, отерев с лица дождевые капли. Она прекрасно понимала, что с Захаром не поспоришь. Вроде и не настаивает, а ежели приклеится, так хуже банного листа будет!

– В сенях можно. Тут не каплет! – на его красивом смуглом лице блеснула белозубая улыбка. Он успокоенно захлопнул дверь в избу и прошел к входной двери. – А хошь, дверь открою? Заодно и воздухом надышишься.

Варвара не стала спорить. Только устало кивнула и встала у него за спиной, спасаясь от ворвавшегося в дом ветра, несущего с собой холодные капли и невероятный запах свежести.

Дождь и правда лил стеной. Небо разрывали молнии, ветер гнул деревья, клубя черные тучи. Варя вдруг подумалось, что это боженька гневается за их бессмысленную жизнь, и вот наступил час расплаты.

Куда же их занесло? Что это за деревня такая чудная? И люди в ней какие-то странные...

Едва слышные шаги заставили Варю вздрогнуть. Захар тоже услышал и шагнул вперед, окончательно загородив собой дверной проем.

– А чего в дом не проходишь? – Варя узнала голос старосты. Интересно, куда он ходил в такую погоду? И где его жена? Надо бы извиниться. Хоть и не за что, да мало ли? Может, они все тут душевнобольные.

– Да вот, не сердчай, хозяин, подругу вывел воздухом подышать. – Захар посторонился, запуская в сени промокшего насквозь старосту. Тот шагнул, но увидев Варю, на мгновение замер, виновато потупив взгляд. Но уже в следующий момент от неловкости не осталось и следа.

– Не сердчай на мою жену, девонька. – Хозяин дома погладил ладонью выбеленную сединой бороду. – Как сына потеряла, так сама не своя стала.

– И вы на меня... – Варя хотела было снова завести разговор о том, где и как нашла злополучную игрушку, но староста ее перебил.

– А что же вы тут-то стоите? Настасья уже всех ваших кашей потчует. Поидемте же в дом скорее!

Захар взглянул на Варю, точно ожидая соизволения. Та лишь коротко кивнула и позволила ему увлечь ее в дом.

Находиться за столом было тяжело, все молчали, только ложки стучали о деревянные бока мисок. Так бы встать и уйти, да куда пойдешь? За окном буря, ночь, а она одна, в незнакомой деревне.

Хотя нет! Не одна!

Большой и надежный Захар вдруг стал казаться самым близким и родным человеком на целой земле. Варя сидела к нему совсем близко, так, что чувствовала жар, идущий от его могучего тела. Управившись с кашей, он теперь сидел, скучая, и украдкой поглядывал на девушку. Она хоть и не видела, но кожей чувствовала бросаемые им взгляды. Смущалась и ковыряла ложкой вкусную кашу еле-еле.

За этой игрой она едва не пропустила, как ужин закончился. Староста поднялся первым, оглядел враз прекративших стучать ложками гостей и невесело усмехнулся.

– Гроза все не утихает... Видно, судьба вам разделить не только мой стол, но и мой кров. До гумна вам теперь уж не добраться. Думал, до ночи распогодится, ан нет. – И поискал взглядом дочь. – Настасья, укладывай ребятишек на полати, а гостей на полу размести. Да для матушки место не держи. Не будет ее сегодня с нами.

Настасья кивнула и полезла на полати, где, оказывается, тише воды ниже травы весь ужин сидели две ее младшие сестры. Навскидку десяти и пяти лет от роду. После она раздала тулупы и стеганные одеяла, заменив подушки валенками да свертками с овчиной.

Спорить никто не стал. Для кочевого народа пол в теплой хате мягче перины кажется, да еще когда не качается, а уж если есть чем укрыться да что под голову подложить, – вообще счастье!

Вскоре все улеглись. Бабы в одной стороне избы, мужики в другой. Предусмотрительная Настасья даже набросила на натянутую посреди избы веревку небеленую холстинку, отгораживая от мужских взглядов и перешептываний полати с детьми и прикорнувших у теплой печи баб.

Варе не спалось. За бревенчатыми стенами завывал ветер. Дождь барабанил в окна, и казалось, что не деревья гнутся и стонут, а страшные темные тени летают снаружи, норовя забраться в дом. Варвара лежала и смотрела в потолок, боясь лишний раз взглянуть в окно. Вдруг заметят и с собой уволочут? И впервые в жизни она пожалела, что нет рядом Захара, готового защищать ее даже во сне.

И вдруг снаружи раздался детский плач. От неожиданности Варя вздрогнула и зажмурилась, а когда открыла их снова, увидела перед собой бледное лицо Настасьи. Та, словно привидение в длинной ночной рубахе, приложила палец к губам, поднялась и поманила, приглашая идти за собой. Варя хотела натянуть на голову овчину и проигнорировать это странное приглашение, но отчего-то поднялась и пошла за девушкой.

Ее распущенные волосы струились русой волной, доставая почти до пят, и плащом скрывали фигуру. Выйдя в сени, она остановилась, подошла к окну и прижалась к нему лицом, сляясь рассмотреть что-то в обезумевшей стихии.

– Он плачет... – Голос Настасьи прозвучал жутко, и Варя поежилась, как от холода. – Ты его слышишь?

– Кого? – Если она спрашивает, значит, и впрямь плач не почудился. Вот только не станет она сразу раскрывать, что слышала. Перво-наперво узнает, что здесь творится.

– Егорку. Он в такие ночи всегда плачет. Одиноко ему... и страшно.

– Егорка – это твой брат? Значит, он жив? Тогда почему в дом не идет, раз ему страшно?

– Нельзя ему в дом. Он теперь мой... – Настасья обернулась, и Варя с ужасом увидела, как лицо девушки обезобразили глубокие морщины, глаза провалились и поблекли, затягиваясь белесыми бельмами. Ее фигура ссутулилась, протягивая к Варе руку, в скрюченных пальцах которой девушка с ужасом увидела ту самую деревянную лошадку, что давеча сжег в печи староста. – И ты – моя...

Дикий крик вырвался из груди Варвары, когда она почувствовала, как деревянный пол проваливается под босыми ногами, затягивая в темноту и холод. Она с силой зажмурилась, дабы не видеть более этого кошмара... и распахнула глаза, оказавшись в оберегающих руках Захара. Он сидел, прижимая ее к себе, и гладил по голове, укачивая, как младенца.

Все вокруг спали. Варя даже порадовалась, что легла у самой шторки и появление Захара на женской части дома никого не потревожило.

– Ты чего, Варвара? – испуганно шептал он, наклоняясь к ее ушку так близко, что она смущенно чувствовала жар его дыхания, касающегося кожи. – Сначала застонала, а потом задыхаться начала. Еле добудился! Ты из-за старости, что ли, так переживаешь? Хочешь, я ему морду набью, если он чем тебя обидел? А Степаныч тоже хорош, не мог заступиться... Эх, меня там не было, я бы тебя в обиду не дал.

Под его шепот Варя постепенно успокоилась, уверила Захара, что все хорошо и ей просто приснился дурной сон. Нехотя выбралась из его жарких рук и снова улеглась.

– И ты иди спать, тебе утром кобылу запрягать да нас всех везти. Отдыхай.

– Отдохнешь тут. Как бы не так, – поворчал для порядка Захар и принялся укладываться подле Вари, но был изгнан за шторку.

– С ума сдурел? Что про нас скажут утром, когда увидят тебя со мной рядом? А ты во сне еще и руки распускаешь!

– Ой, а то раньше не видели? – Захар все же отступил за штору, но улегся так, что эта штора ему служила едва ли не одеялом, и, отодвинув ее, задорно улыбнулся. – И вовсе не распускаю! Это я тебя так грею! Ну... и себя заодно.

– Да ну тебя! – Варя повернулась к нему спиной, скрывая улыбку, и закрыла глаза. Вот как у него так получается? Вроде и не сказал ничего, а мрак на душе отступил. И даже буря пошла на убыль.

Очень скоро Варя услышала его размеренное дыхание, перешедшее в негромкий храп, и почувствовала, как дрема и ее забирает в свое царство, но тут ледяная рука накрыла ее рот. Варя распахнула глаза и чуть не умерла от ужаса, увидев перед собой бледное лицо Настасьи.

Неужели снова кошмар? Нужно проснуться!

Варя беспомощно взглянула на спящего Захара и дернулась к нему, но Настасья, удерживая ее, приложила палец к губам и качнула головой.

– Нельзя! Пойдем.

Она, поманив гостью за собой, направилась к двери. Варя точно против своей воли поднялась и пошла за ней. Девушка казалась ей призраком из-за длинной ночной рубахи и распущенных волос.

Все повторялось, точно кошмар ожил. Сени, хозяйская дочь, разглядывающая что-то в ночи...

– Он плачет...

Настасья поворачивалась медленно. Варя уже знала, ЧТО увидит вместо ее молодого приятного лица, но не нашла в себе сил отвести взгляд. Сердечко колотилось, обезумев от страха. Этот стук отдавался в ушах грохотом камнепада. Горячая волна прошла по телу

от головы до босых ступней, когда она поняла, что вместо уродливой старухи на нее по-прежнему смотрит Настасья, печально и чуть испуганно.

– Я его слышу, – снова заговорила Настасья, – он плачет и зовет.

– Кто – он? – спросила Варя, прекрасно зная ответ.

– Егорка. Мой младший братик.

– А где же он? Почему не здесь?

– Ему в дом никак нельзя, потому как он теперь среди мертвых. Оттуда обратной дороги нет.

– Как же мы его слышим?

– Мы не его слышим, а душу его неприкаянную. В такие ночи ему особенно одиноко. Не прожил он срок отпущенный, вот и мается. Его старуха Аглая убила. – Настя надолго замолчала, а когда продолжила, Варвара почувствовала, что пол уходит из-под ног. – Ведьма она, живет на самом краю деревни. У нас год назад засуха случилась страшная. И ведьма взялась помочь, только потребовала в уплату младшего ребенка старосты. Отец отдал Егорку, потому что деревенские пообещали сжечь всех нас, если он не поможет. Увела ведьма брата, и вскоре засуха закончилась. А Егорку больше никто не видел. Отец на кладбище памятник поставил и гроб пустой зарыл, чтобы нам с матерью было удобно его оплакивать. Эту ведьму все боятся, и даже граф.

– А зачем ты мне о ней рассказываешь? Думаешь, я не боюсь? – Варя посмотрела на нее, уже зная ответ.

– Егорушка весточку через тебя передал. Лошадка, которую ты принесла, она с его могилы и никак не могла в доме очутиться. Помоги мне.

– Да чем я могу помочь? – Варя начинала злиться. – При чем здесь лошадка, таких в любой деревне пруд пруди, их каждый мужик своему дитю режет. С чего ты решила, что лошадка та самая?

– Это точно его игрушка. У нее одна нога короче была, а на ней пятнышко бурое. Это Егорушка строгать взялся, да пальчик поранил. А потом я сама видела, как батюшка коника на могилку отнес.

Варя почувствовала, как по босым ступням пошел ледяной холод, а за окном вдруг снова раздался детский плач. Настасья встрепенулась и бросилась к окну, но как ни силилась, ничего рассмотреть не смогла. Варвара бросилась в дом и сама не поняла, как оказалась под боком у Захара, трясясь, словно осиновый лист. Зажала руками уши да глаза зажмурила. Только бы ничего не видеть и не слышать! Захар проснулся, крепко прижал ее к себе и до самого утра больше не отпустил.

А утром староста сказал, что лошадка, Манька их серая в яблоках, что последние лет пять была им и ногами и другом, – ночью издохла.

– Сами виноваты. Нужно было ее в стойло отвести, вон буря как разгулялась. Деревья, что щепки, вырывало из земли с корнями. Вот и прибило одной дровиной вашу Маньку!

– И как же нам быть? На новую животину денег нет, – скорбно взвыл Степаньч.

– Не моя это забота, – отмахнулся староста. – Но до темноты вам бы лучше убраться отсюда.

– Может, в поместье найдется работа?

– Наши Захар силами троих мужиков заменить может! Да и бабы чего по хозяйству сообразить сумеют.

– Или в деревне чего кому помочь? – наперебой загомонили артисты.

– Про усадьбу – не знаю, не скажу, а в деревне нахлебников и так хватает. Сами справимся, – сказал, как отрезал, староста, чем убил последнюю надежду. – День долгий, авось и скумекаете чего. А мне с вами вошкаться недосуг.

Староста уже развернулся, чтобы уйти, когда из-за угла дома вышла закутанная в платок женщина.

– Петенька, наши гости уже уходят? Настасья накормила их перед дорогой?

Варя юркнула за спину Захара. Может, хозяйка дома женщина и не злая, да только из-за ее находки ночевала где-то под дождем, а потому Варвара чувствовала себя виноватой.

Староста посмотрел на жену, но ничего не ответил, развернулся и твердой походкой направился в дом. Женщина тенью поспешила следом.

Оставшиеся на улице артисты примолкли. Никто не решился заговорить, хотя у каждого был камень за пазухой, каждый винил в случившемся Варвару, а оттого и бросали косые взгляды на нее, как на татя. Захар почти звериным чутьем уловил грозящую девушке опасность, толкнул Варвару себе за спину и исподлобья оглядел всех. Взгляд его говорил: «Сначала со мной сладить придется...»

– Я... – Он помолчал, а после вдруг заявил таким тоном, будто кто-то пытался спорить. – Я в усадьбу пойду! Может, конягу раздобуду, а к вечеру вернусь! И кто Варвару обижать станет, тому я не позавидую.

Артисты расположились у реки, что текла в паре сотен шагов от дома старосты. Время до вечера лилось густым киселем, порой казалось, что и вовсе оно застыло. Наконец в небе загорелись первые звездочки, а от воды повеяло прохладой.

Захар все не возвращался, и на Варвару накатила дремота, но увидев в мерцающем свете костра ищущую кого-то фигуру, она очнулась и поняла, что приняла за незнакомца Настасью – дочь старосты. Та вертела головой, выискивая кого-то среди бродяг. Наконец, остановив взгляд на Варваре, девушка чуть ли не бегом кинулась к ней. Настороженность ушла с ее личика, уступив место облегчению и даже радости.

– Меня отец к вам послал, – Настасья ухватила Варвару за локоток, отвела к самой кромке воды и только тогда договорила. – Стыдно ему стало, что вот так людей без крыши оставил. велел передать, что поможет, кучера ссудит, тот вас до ближайшего села довезет. Там люди побогаче, глядишь, и заработаете своими плясками на кобылу.

Варя почувствовала, как с души упал огромный камень. Так сразу легко и хорошо стало, что она была готова расцеловать Настасью. Только с чего бы старосте перемениться? Или до того ему гости опостытели, что готов сам везти, лишь бы глаза не мозолили? Не стала она Настасью пытаться, не спугнуть бы радость неожиданную.

– Но только за это отца отблагодарить придется, – та вдруг замолчала, уставившись на Варю заговорщицким взглядом, а потом, понизив голос до шепота, сказала. – Аглая совсем плоха, умирает она. Матушка с нею ночь просидела, но сегодня Аглая меня к себе потребовала. Только я боюсь ее, вот отец и распорядился, что вместо меня другая пойдет.

– И кого твой отец выбрал?

– Тебя.

В чистом, без единой тучи небе вдруг прогремел гром, а ледяной ветер, швырнул Варваре в лицо брызги речной водицы.

* * *

– Лиза? Лиза! Просыпайся! Очнись!

Брызги воды заставили Лизавету неохотно открыть глаза, отпуская яркий, немного жутковатый сон. Почему в этом сне ее звали Варя? И эти люди... сейчас, когда видение ушло, она едва ли вспомнит их лица и имена, кроме одного. Рослого великана со старинным именем Захар. У него оказались такие знакомые черты лица... Почему? Кто он?

– Проснулась? Вот! Молодец! Хочешь пить? – Сигизмунд Маркович суеился рядом, с тревогой поглядывая на пациентку. – Что ты видела? Ты даже кричала, но я не мог прервать сеанс в тот момент.

– Если честно... – Лиза попыталась улыбнуться. – Я почти ничего не помню. Лошадь! Вот лошадь помню. А еще ребенок... и... ведьма?

Она взглянула на присевшего рядом врача.

– Там была ведьма! Но... я ее не видела. Она украла ребенка, и он плакал...

– Гм... – Сигизмунд Маркович потер переносицу. – А ты случайно недавно не читала сказки? Например «Гуси-лебеди»? Девочка, ты вполне могла спутать вымысел и реальность. Я пытаюсь заглянуть в твоё подсознание, чтобы узнать истинную причину психоза. Потеря матери лишь послужила толчком!

– Так значит, я все же больна? – Лиза покусала губы. – В последнее время мне казалось, что эта болезнь вымышлена. Я даже перестала принимать лекарство, и мне стало лучше. Я начала ощущать эту жизнь. Разве это плохо?

– Нет, конечно! – после ее признания врач поднялся, наполнил холодной водой стакан и сам залпом выпил. – Но ты не должна была прекращать прием лекарства, не посоветовавшись со мной! Это опасно!

– Но мне постоянно хотелось спать! Я устала путать реальность и кошмары! И если вы хотели этим лекарством заставить меня не видеть маму – у вас ничего не получилось! Я не хочу больше эти таблетки! Не хочу! – Лиза сорвалась на крик. Вскочила, но Сигизмунд тут же оказался рядом, снова усадил ее на диван, сел рядом и взял ее руки в свои.

– Успокойся! Я назначу тебе новое лекарство. Ты ничего не почувствуешь, ни сонливость, ни страх. Только важное для тебя спокойствие и стабильность вот тут. – Он с нежностью коснулся ее лба, поправляя челку. – Согласна?

Девушка посмотрела на него.

– Да. Но... Отец... Если он узнает, что я перестала принимать лекарство... Он ведь сегодня к вам должен прийти?

– Должен. Но он ничего не узнает! – Сигизмунд улыбнулся. – Давай договоримся? Если ты будешь принимать это по одной таблетке на ночь, – он достал из кармана пиджака небольшую белую баночку без каких-либо надписей и протянул девушке, – то обязательно поедешь в свою гостиницу!

Лиза, едва скрывая отвращение, взяла баночку и поднялась.

– Хорошо. Буду. А теперь мне пора.

– И еще. Вот! – Врач протянул ей диск. – Перед сном слушай то, что здесь записано, и я гарантирую тебе спокойные ночи без кошмаров! Кстати, ты сегодня очень красивая!

– Спасибо! – Лиза благодарно кивнула и направилась к двери.

На лестничной площадке она столкнулась с какой-то белобрысой девицей и, буркнув извинение, выскочила из здания.

Сбежав по ступеням, она завернула за дом, перешла улицу и юркнула в машину.

– Домой, Лизавета Сергеевна? – Володя посмотрел на нее в зеркало.

– И поскорее! – Лиза откинулась на спинку сидения и закрыла глаза.

Отец пришел около полуночи. Она слышала, как он разговаривал с охранником, потом хлопнула дверь и на лестнице раздались его шаги. Затем он остановился возле ее комнаты и спустя пару минут робко постучал.

Лиза отложила книгу, спрыгнула с кровати и, добежав до двери, повернула замок, впуская отца в комнату.

Он был пьян. Девушка почувствовала идущий от него запах. Привычный запах, который почти всегда сопровождал его по вечерам с того момента, как погибла мама.

– Доча... – Отец замолчал, долгое мгновение глядя ей в глаза, а затем полез в карман пиджака. Достал какой-то конверт, повертел его, растерянно рассматривая, и снова сунул в карман. – Доча... Ты сегодня была у Сигизмунда Марковича?

Лиза нахмурилась. Неужели врач рассказал ему о таблетках?

– Да. Была. Он провел со мной сеанс гипноза и дал новое лекарство. А что? Что он тебе сказал?

Отец как-то неопределенно хмыкнул и обреченно мотнул головой.

– Ничего он мне не сказал. Когда я пришел, он уже был мертв. Я едва успел забрать причитающийся мне конверт, как в офис вломилась полиция. Короче, все выяснили. Вроде сердечный приступ. Потом медсестра меня отпустила. Сказала, что за телом пришел его брат с дочерью. Я никогда не думал, что у него есть брат. Мне он говорил, что приехал из маленького городка учиться на медика, да так и остался здесь. Возвращаться было не к кому. – Речь отца стала бессвязной. – Умер... Да и ладно. Так даже и хорошо! Твой долг я тебе прощаю, Сигизмунд. Что такое двадцать миллионов в обмен на спокойствие?

– Пап, ты шел бы спать? – Лиза коснулась его руки. – Все будет хорошо!

Он вдруг безумно ей улыбнулся.

– Теперь – да! – и, пошатываясь, направился к спальне.

День второй

День накануне похорон деда пролетел незаметно. Была, правда, пара странных моментов, но Макс решил не обращать на них особого внимания. Для начала он обзвонил родителей с вопросами о новоиспеченном дедуле. Мама посоветовала проспаться и положила трубку, а отец долго не отвечал, и когда Макс уже отчаялся до него дозвониться, позвонил сам.

– Привет, сынок, звонил? Извини, не услышал, повез Марьяну знакомиться со стариками.

Макс усмехнулся. Папа ушел от мамы не так давно, года три назад, и каждую весну ездил с новой пассией в гости к родителям, свято веря, что это именно оно и навсегда. Мама презрительно называла отца «кобелем экстра-класса», но снисходительно принимала от него денежные вливания и подарки. Максимум она постоянно надоедала с вопросом о внуках, а когда получала определенный ответ, только вздыхала: «яблочко от яблоньки».

– К слову о стариках. У меня есть дедушка Захаров Александр Петрович? – Макс даже заатаил дыхание, пытаясь услышать ответ, но в трубке стояла тишина. – Алло?! Черт!

Макс снова набрал отца, но в ответ услышал только равнодушное: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети...» Ну и ладно! Значит, о привалившем наследстве он узнает только завтра... или потом.

После он провозился почти весь день, собирая нужные документы и тратя время в офисе нотариуса. Благо там оказалось не так скучно. Секретарша Инночка составляла документы, делала ксерокопии и мило улыбалась пошлым шуточкам Максима.

«Надо будет после всей этой канители откатать с ней программу. По полной!» – подумалось ему, когда в очередной раз он заметил цепкий и явно не равнодушный взгляд девушки. Впрочем, вниманием женщин Макса было не удивить. Он едва ли не со школы привык к любовным записочкам, а после звонкам и эсмэскам. Да и не мудрено... Яркий брюнет с точеными, даже немного хищными чертами лица и бирюзовыми глазами, Максим не оставлял равнодушным никого. Немного не ясно в кого, при среднестатистическом росте родителей он вымахал под два метра, но, впрочем, этот вопрос его никогда не смущал. Вымахал, и слава богу!

Как любит говаривать отец: «Наверху и воздух чище».

Наконец уже под вечер пришел нотариус, передал Максимум пухлый пакет и с торжественной ноткой в голосе сообщил:

– Максим Александрович, похороны вашего дедушки состоятся завтра в три часа пополудни на кладбище города Лисий Яр. В конверте ключ, завещание и кое-какие документы. Думаю, вам будет интересно познакомиться с вашей, пусть и ненадолго, собственностью поближе. – Губ Игоря Эдуардовича коснулась вежливая улыбка. – К слову, вы хотели провести аукцион, так вот, я позволил себе смелость найти для вас довольно состоятельных клиентов, которые весьма заинтересованы в покупке особняка. Как я и говорил, документы на собственность будут готовы через месяц, но бумаги, подтверждающие ваши права на дом, я составил. Вы их тоже найдете в конверте. Куплю-продажу оформим задним числом, а для начала напишем доверенность на владение домом тому счастливицу, кто окажется в состоянии его приобрести. Если нет вопросов – увидимся завтра на кладбище.

– У меня только два вопроса. – Макс не оценил улыбки, оставаясь предельно холодным. – Первый. Что вам с того? Зачем помогаете? На барыш рассчитывать не советую. Разве только на тот, что вам причитается за бумаги. Я сейчас в полной жопе... жёлтой тоске, поэтому зря стараетесь... И второй. Лисий Яр? Я так понимаю – это город, где жил мой дед? А если мой дед жил в особняке, значит, мое наследство находится в той же жопе...

– Пе... гм... перестаньте быть сквалыгой, Максим Александрович! – обиженно нахмурился нотариус. – Я совершенно не ищу выгоду в несчастьях других. И конечно же, отвечу на все ваши вопросы. Во-первых, я помогаю не только вам. У меня есть парочка друзей, кото-

рые хотели купить подобный дом в Подмоскowie. И во-вторых, – да! Лисий Яр – город, где находится ваше родовое гнездо. Точнее, его пригород. И кстати, совсем неподалеку от довольно популярного в свое время санатория «Лисий Яр».

– Охренеть! – Макс скривился, точно хлебнул уксуса. – Мне досталась лачуга на краю географии. – Тяжело вздохнул. – Ладно. Если кому-то нужен этот шалаш, приглашайте. Хоть завтра!

– Боюсь, что на завтра у нас с вами совсем другие планы, – снова улыбнулся ему Игорь Эдуардович. – Давайте после похорон и обсудим дату торгов. Вы не против?

– Да нет. Только одно условие – чем скорее, тем лучше! Начальная цена пятьдесят миллионов, а за пятьдесят пять пусть забирают. – Макс развернулся и, не прощаясь, вышел из прохладного офиса. Вот же! И чего он сразу не спросил, где эта развалюха находится...

И еще интересно, кто устраивает деду похороны? Или тот был настолько богат, что оплатил их себе сам? Да и домик посмотреть не мешает. Может, подшаманить его до торгов... Глядишь, уйдет подороже.

Сам того не замечая, Макс вышел в душный вечер уже вполне себе в приподнятом настроении. А действительно? Чего он раскис, как барышня? Обломился такой куш, а он еще и недовольный!

Поймав машину, Макс задумался. И куда теперь? На работу не хотелось. Заместитель и по совместимости друг Пашка справится и без него. К тому же после вчерашнего пивбара сегодня он, как примерный семьянин, рано пойдет домой замаливать грехи. А может, в торговый центр? Надо прикупить себе по случаю похорон что-нибудь классическое черное.

Нет, у Макса, конечно же, были костюмы, но он предпочитал светлые тона, которые так выгодно оттеняли его черную шевелюру и смуглый оттенок кожи.

Послушный таксист тормознул машину у одного из довольно неплохих торговых центров и, получив расчет, исчез в пестром потоке машин. Роскошь, окружившая Максима, едва он вошел, просто обескураживала. Даже невероятно, сколько же бабла имеет хозяин всего этого! По сравнению с этакой акулой бизнеса Макс вместе со своей фирмой почувствовал себя блохой. У него даже не фирма, так – фирмочка!

То, что в торговом центре происходит нечто странное, Макс понял по количеству столпившихся в холле охранников. Впрочем, чему удивляться? Он в столице. Ну, приехала какая-нибудь «шишка» приодеться, вот и поставили всех на уши.

Поднявшись на второй этаж, молодой человек огляделся, читая вывески. Наконец на одном рекламном баннере Максим увидел мужчину, одетого в строгий костюм. То, что мужчина стоял возле очаровательной девушки, Макса не смутило. Сейчас во многих бутиках продают одежду как для мужчин, так и для женщин.

Он напрямик направился к стеклянным дверям. И вот тут-то случилась еще одна странность. Сразу у входа на него налетела сногшибательная рыженькая девица. Он едва успел удержать ее за талию, спасая от падения на мраморный пол, но вместо того, чтобы рассыпаться в благодарностях или хотя бы улыбнуться своему спасителю, рыжая замерла, смущенно разглядывая его огромными малахитовыми глазницами. И Макс понял, что растерялся. Он впервые в жизни не знал, что сказать девушке! И конечно же, ляпнул какую-то чушь! Что-то вроде: «Зачем же бросаться на людей». Как будто такие красотки бросаются на него по дюжине в день.

Девица смутилась еще больше. Румянец на щеках спрятал даже по-детски наивные веснушки. А вот Макс почувствовал себя увереннее, и вместо того чтобы разжать руки, так уютно примостившиеся на девичьей талии, притянул ее к себе, явно намекая на продолжение знакомства. И даже приготовился к падению крепости. Сейчас она улыбнется, продиктует ему номер телефона и упорхнет, приглашающе оглядываясь... Пару недель или даже пару месяцев ему будет с ней интересно.

Тут рыжая действительно открыла ротик, но только затем чтобы сказать:

– А я местный псих, мне положено! Что касается вашей внешности... я, пожалуй, отнесла бы вас к роду искусителей, а никак не к роду людей. Значит, ваша фраза абсурдна и в этой ситуации на людей я не бросалась...

– Че-го? – Макс даже разжал руки, так изумленно разглядывая красотку, словно она стала покрываться зелеными перьями. Может, он ослышался? Она же должна была сказать совсем другое! Сейчас ей надлежало всю с ним заигрывать! А тут получается что его, ЕГО – грязно отшили?! Да еще обозвали каким-то чертом! – Че-го?!

– Да вы еще и глухой? – девушка сочувственно вздохнула. Уверенно отстранившись, она, не оглядываясь, прямоком направилась к выходу. За ней послушными марионетками потопали два охранника, точно елки, наряженные висевшими в руках яркими пакетиками с покупками этой рыжей стервочки.

Максим с трудом заставил себя отвести взгляд от ее роскошной фигурки, развернуться и зайти в приглашающе распахнутые стеклянные двери.

Злость, раздражение... да чего там – бешенство, бурлившие в нем, вскоре прошли, отдаваясь в виске ноющей болью. Подумаешь! Может, она и впрямь местный псих? А чего тогда на психов обижаться?

Какой он купил костюм, Макс даже не понял, предоставив двум молоденьким девчонкам одеть его на их вкус. Он только попросил, чтобы цвет был черным, а больше его ничего и не волновало.

Хотя, наверное, волновало... Он пытался объяснить это волнение предстоящими похоронами и знакомством с родовым гнездом, но... оно поселилось где-то внутри, все больше не давая ему покоя. Точно он упустил что-то важное.

– Эй, братан! – спустившись на первый этаж, Макс подошел к охраннику, замершему у входных дверей. Лицо знакомое... кажется, он стоял тут, когда Максим заходил. – Не в курсе, куда пошла деваха в красном платье? Рыжая?

Тот скосил на посетителя глаза и вдруг обидно усмехнулся.

– Это не деваха. Это – Лиза, дочь Сергея Аристахова. Лучше, братан, на нее не облизывайся. К тому же у нее не все дома. С тех пор, как матушка разбилась. Уже года три. А может, и больше... Аристахов ее охраняет как зеницу ока!

Дочь Сергея Аристахова? Одного из двадцатки Форбс? Ух ты! Да уж...

Макс вышел на улицу. В голове не осталось ничего, кроме непечатных слов и корыстных мыслей. Вот на ком бы он женился! Плевать, что у нее не все в порядке с головой, зато красивая! Благодаря такому браку Максим стал бы королем! Но... где он и где она...

Вечером он напился, чтобы не думать о несовершенстве мира, и уснул на диване перед тихо бормочущем телевизором, и ему всю ночь снились эта рыжая девчонка и какая-то запретельная муть.

* * *

Ночь была живой, напоенной запахами и звуками. Где-то вдалеке заливался соловей, кукушка щедро отсчитывала годы припозднившемуся путнику, в траве распевали цикады и сверчки. В посеребренной воде купались крупные звезды, а лягушки вдоль берега тянули заунывные серенады. Варвара даже остановилась на мгновение, чтобы вдохнуть полной грудью сочный, наполненный благоуханием полевых цветов воздух.

Вроде обычная ночь, но на сердце у Вари было беспокойно, тягостно. Еще и Настасья всю дорогу молчала, словно онемела вдруг. Шла впереди, изредка оглядываясь: проверяла, не отстала ли от нее Варвара.

Луна вдруг спряталась за невесть откуда набежавшую тучу, а потом выплыла уже совсем другая: алая с желтой каймой, словно крови напившаяся упырища. И вокруг сразу

наступила тишина, только плеск в реке, это лягушки в воду прятались. Настасья подхватила Варвару под локоток и почти волоком потащила к замаячившей впереди избе.

И ночь сразу перестала быть обычной.словно с иконы краску соскоблили да под святым ликом бесовская рожка проявилась.

Из-за речки послышалось жалобное тьяканье, перешедшее в протяжный вой. Варя вздрогнула и посмотрела на Настасью, которая озиралась по сторонам, что-то бормотала себе под нос. Варвара тоже огляделась. Гладь реки показалась ей багровой, вдруг почудилось, что и не вода вовсе течет меж берегов, а кровь. Девушка зажмурилась, а когда снова посмотрела в реку, наваждение пропало. Луна багряная заморочила, вот и привиделось бог весть что.

– Это лисы, – Настасья улыбнулась, заметив беспокойство Вари. – Здеишие места всегда ими кишели. Вот и повадились богачи на охоту сюда ездить: уж шибко модно это у них считалось, каждый норовил выделиться и трофеями побахвалиться. Тогда нашей деревеньки еще в помине не было, только чащи непроходимые. Сама я не знаю, но люди сказывают, мол, до того места эти одному помещику полюбились, что решил он здесь же и поселиться. Выписал зодчего из заграницы, сладили ему усадьбу. Долго не думавши, назвали имение Лисьим Яром. Вроде даже на гербе у него морда лисья есть, да я не видала, мне батюшка в усадьбу запретил соваться.

– И что теперь этот богач?

– Так помер он уж лет сто как. Уже его внук свой век доживает, Дмитрий Алексеевич Воронцов. Ох и лютый мужик!

– Это чем же?

– Много ты знать хочешь, как я погляжу, – фыркнула вдруг Настасья и встала как вкопанная. – Пришли мы, вот дом Аглаи. Я с тобой не пойду, старуха не жалует гостей особо. – И добавила злобно. – Поскорее бы уже преставилась, все мы вздохнем с облегчением.

Варвара не ожидала такой дерзости от тихони Настасьи. Но не зря ведь говорят про чертей в спокойном омуте. Хотела еще что-то спросить, оглянуться не успела, а Настасья уже и след простыл. Только тут была, и вдруг нет. Как сквозь землю провалилась. Ох, не к добру они в эту деревню заехали, не иначе нечистая сила завела. Только бы утра дожидаться, а там и лошадка будет, уедут они подальше да забудут все пережитое.

Старуха жила в добротном доме с крепким забором и новым, еще пахнувшим свежесвыструганным деревом крыльцом. В сказках, которые рассказывал ребятишкам Степаньич, ведьмы селились в стылых землянках, подальше от людских глаз. Значит, никакая Аглая не ведьма, а Настасья только зря Варвару пугала. Только непонятно, зачем ей это?

Да все равно не было в этом месте покоя. Варвара даже поежилась, точно ветер вдруг задул. Варе показалось, что кто-то за ней наблюдает. Она поозиралась по сторонам, но никого не увидела.

– Пришла. – Скрипучий голос пробрал Варвару до самых костей. Ее точно ледяной водой окатили. – Ну, проходи.

От неожиданности Варя вздрогнула.

Сгорбленная тень стояла на крыльце, вцепившись скрюченными пальцами в длинную палку, похожую на посох. Сразу и не разберешь, человек перед тобой или нечисть ночная. Тень не шевелилась, а об ее ноги терся пушистый кот, толстый и черный как смоль. Глазищи у него пылали багрянцем, точно в них луна отразилась.

Варю сковал страх. Вот только она с Настасьей говорила, как та испарилась, что туман к полудню. Теперь эта тень. Неужели старуха немоицная сама ее встречать вышла? Варвара даже не услышала, когда открылась дверь.

– Здравствуйте, бабушка, меня к вам Настасья прислала.

Голос Вари осип и срывался, царапая горло, словно она ежа проглотила.

– Заходи в хату.

Старуха, тяжело ступая, прошла в дом. Кот зыркнул на Варю: глазищи его вспыхнули ярче и потухли, а сам он, слившись с темнотой, исчез.

Варя страшилась, но перечить не стала и прошла следом за тенью. Переступив порог дома, она оказалась в кромешной темноте. Вытянула руку, но даже ее не увидела, где уж тут тень разглядеть. В доме было зябко, словно не лето на дворе, а осень стылая, и пахло какими-то горькими травами. Варя перекрестилась, прошептав про себя короткую молитву. Тут же мрак отступил перед пламенем оплывшей свечи. И в неверном свете проявилось морщинистое лицо старухи с крупным мясистым носом. Из-под черного платка свисали сальные нечесанные патлы.

Варя едва удержалась от вскрика. Как же старуха ее увидела, она ведь слепая! В глазах молочно-голубые лужицы белым, обвитые кровавыми паутинками. И смотрит она не на Варвару, а куда-то в сторону.

Старуха вдруг повела мясистым носом, раздувая широкие ноздри, и, оставив свечу на столе, сама присела на лавку. К ней на колени тут же запрыгнул кот и принялся прожигать Варвару немигающим взглядом. Точно охраняет свою хозяйку.

Света от дрожащего огонька хватило для того, чтобы рассмотреть очертания и скудную обстановку горницы. Стол, лавка возле него, у печи широкий топчан да сундук в углу. Там, где должны висеть иконы, болтался лишь пучок сухой травы. Окна наглухо закрыты ставнями.

Варя хотела было перекреститься еще раз, но старуха прошамкала:

– Не смей. Ты в мой дом пришла, вот и будь добра мои правила исполнять.

– Какие правила, бабушка? – удивилась Варвара. – Я всего и хотела, что крестным знаменем себя осенить.

– Еще раз это услышу, пойдешь во двор ночевать, пусть тебя лисы там обглодают.

– Как же так, бабушка? Ты ведь сама меня позвала.

– Ты знала, к кому шла, теперь не строй из себя святую простоту. Или Настасья про меня не рассказала?

В бельмастых глазах старухи плясали лепестки оранжевого пламени, а морщинистая кожа казалась сухим пергаментом, который вот-вот затрепещет и лопнет, разбежится трещинами-ранами, а страшное лицо рассыплется в прах.

– Ничего не говорила, только велела ночь с вами пробыть, а утром нам староста лошадку ссудит. Артисты мы бродячие...

– Дальше не рассказывай, – старуха скинула с колен возмущенно фыркнувшего кота, поднялась на ноги и, уперевшись о палку, подошла к Варе.

Аглая стояла так близко, что Варвара чувствовала ее смрадное дыхание, хотя ростом та едва Вари до груди доставала. Ноздри старухи раздувались и подергивались, что у борзой, втягивая воздух. Тонкие, почти бескровные губы шевелились, но никаких звуков из черного провала беззубого рта старухи не вылетало. В какой-то момент Варя решила, что оглохла, но потом старуха легонько толкнула ее в грудь кулачком, и слух вернулся.

– Боишься, – прозвучало утвердительно, а не вопросительно. – Только меня тебе бояться не стоит, а вот себя бы поостереглась. Да об этом после. А пока скажи-ка мне, неужели и правда поверила, что я могла дитя невинное погубить ради спасения от засухи? Ведь так тебе про меня Настасья сказала?

Варвара хотела возразить, что ничего такого не было, но помимо своей воли кивнула, соглашаясь. Она была уверена, что старуха ее видит, хоть и не понимала, как той это удастся.

Аглая вернулась на лавку. К ней на колени тут же запрыгнул кот. Но теперь он уже не смотрел на Варвару враждебно.

– Ты садись, в ногах правды нет, – Аглая вытянула руку со свечой, указывая на табурет, который Варя до того не заметила. – Да послушай, что я тебе расскажу. Может, и сама все поймешь. А не поймешь, так уже не моя забота.

Старуха погладила кота, тот мяукнул, ткнулся лбом в ее сухую ладонь и, улегшись поудобнее, задремал.

– Хочешь верь – а хочешь не верь, да только мальчонку я не трогала. Даже помочь ему хотела. Авдотья, жена нашего старосты, принесла ко мне Егорку, когда тот почти неживой был. Горел так, что от него можно было печь затопить. Я спрашивала, чего Авдотья раньше не спохватилась, так она на меня понесла. Мол, лечи давай, а не разговаривай. Пригрозила, что ежели с сыном чего приключится, она заставит старосту меня из Лисьего Яра выгнать. Глупая баба.

Варвара была готова слушать любые истории, только бы ночь переждать, да в путь снова тронуться.

– Помер тогда Егорка, я и сделать ничего не успела. Поздно его Авдотья принесла, всего бы на две ночи раньше, спасла бы мальчонку. Как же она выла и меня проклятьями осыпала. Обещала хату спалить со мной вместе. Да разве меня этим напугаешь? Я свою жизнь прожила. – Аглая прервала рассказ и повернула голову к окну, в которое заглянула любопытная багровая луна. Сдвинула брови, точно недовольна была увиденным и продолжила: – Егорку схоронили в тот же день. Я только потом узнала, что Авдотья про меня наплела. По ее словам, я дитя в жертву черной силе отдала. Засуха и впрямь в тот год была сильная, а как Егорушку схоронили, так дожди пошли. Вот ей и поверили.

Старуха вдруг закашлялась, сцепившись в горло скрюченными, словно птичья лапка, пальцами, и махнула другой рукой, указывая на кадушку с водой, стоявшую у стола. Варя наполнила лежавший на столе ковш и поднесла хозяйке.

Напившись, старуха отдала ей опустевшую посуду, вновь уставилась в окно и забормотала.

– А Егорка с тех пор ко мне приходит стал, – Аглая говорила о мертвом, как о живом. У Вари побежали мурашки. – Придет и стоит под окнами: «Помоги мне, баба Агаши, холодно тут». Я уж чего только не перепробовала: заговоры, отвары и зелья разные, на могилу ему поминьи носила, так все без толку. И ведь сколько ни спрашивала, чего ему от меня надобно, молчит. Только через полгода открылся. Мне сон приснился, в котором он попросил лошадку ему вернуть, что отец сострогал. Сказал еще, что лошаденка его у меня в хате припрятана. А я ни сном, ни духом.

Аглая снова замолчала. Эти паузы пугали Варвару. Старуха молчала, разглядывая слепыми глазами что-то за окном. Может, и нет там ничего. Да только страх сковывал, что и не пошевелиться.

– Нашла я его игрушку. Под крыльцом была. Оказывается, ее Авдотья с могилы Егорушкиной забрала и мне подбросила. Небожь, хотела старосту на меня натравить, чтобы избавиться от ведьмы, которая сына ее погубила. Да только не виновата я в том, что мальчонка не выжил. Не успела бы я его вылечить. Она ведь его поздно привела.

Варя поняла, что рассказ сейчас пойдет по второму кругу. И никакая Аглая не ведьма, а просто одинокая старуха, к которой никто не приходит. Вот она и нашла себе отдушину в разговорах.

Варя встала, хотела подойти к окну, самой узнать, что там Аглая высматривает, но ее крик заставил девушку снова упасть на табурет.

– А ну сядь! Думаешь, ежели я без глаз, уже и не увижу ничего? Я и видеть-то по-настоящему стала, когда свет белый померк. Дослушай, а потом скажу, для чего тебя Настасья ко мне отравила. Чую, как тебя любопытство изнутри грызет. Да придется потерпеть и дослушать. На чем я остановилась? Ах да, рассказала, значит, Авдотья всему Лисьему

Яру эту байку. Тут уж меня злость разобрала. – Аглая ударила кулачком по столу. Свечка, стоявшая возле нее, упала под стол. В наступившей темноте вспыхнули красные глазищи кота, а Варя зажмурилась от страха. Она до сих пор не могла поверить, что все это не сон, и хотела поскорее проснуться, а рядом чтобы был большой и теплый Захар.

Только желанию не суждено было исполниться. Пришлось нашарить под столом огарок свечи и снова его запалить. Аглая же все это время продолжала смотреть в окно и говорить, точно и не произошло ничего.

– Взяла я коника, да пошла сама к старосте. Буря разгулялась не на шутку, но я уже решила, что дойду. Авдотья ведь не унималась, все поклепы собирала. Даже грозу себе в пользу обернула, мол, помирает ведьма Аглая, силушка колдовская выхода не находит. Я и сама думала, помру, но дойду до старосты, расскажу все как есть. Пришла, а хата-то пустая. Дождаться не стала, как подсказал мне кто, бросила коника в сени, а сама ушла. Души неуспокоенные, они ведь такие, если привяжутся к чему, то не уйдут. Егорушка вот к игрушке своей прицепился. Теперь куда деревяшка эта, туда и он. Подумала, что Авдотья услышит плач сыночка, да одумается, но, видно, надо было ей лошадку эту прямо в морду сунуть! Но что сделано, то сделано.

Так вот почему жена старосты перепугалась, увидев Варвару с лошадкой в руке. И староста их не просто так прогнал. На его месте Варвара так же поступила бы.

– Не подумала, что Авдотья ко мне в ту же ночь примчится, – Аглая рассмеялась скрипучим смехом. – Сама бледная, растрепанная, и глазищи, что блюдца. Зло, оно же всегда возвращается к тому, кто его сотворил. По делу и наказание. Кричала она, грозила мне, да разве уже чего исправил? Староста ведь лошадку в печь бросил, теперь Егорка навечно к их хате привязан.

Варвара будто приросла к табурету. Значит, не померещилось ей и не приснилось. Она и в самом деле плач детский слышала. А ведь в кошмаре том старуха Варвару своей назвала. Аглая то была или нет, теперь и не вспомнить.

– Только Авдотья все не уймется. Обмануть вот меня вздумала. Я ведь велела ей Настасью прислать ко мне на ночь, пообещала, что тогда Егорушку от страданий избавлю, а ее от мук душевных. Да ты не пужайся, – махнула рукой Аглая, – ничего я Настасье не сделала бы, просто все рассказать хотела, как есть. Да только вон как оно вышло-то. Мне ведь и правда помирать скоро. В церкви отпевать не станут, так хоть теперь душу облегчу. А ты, девка, слушай да не перебивай. По молодости и горячности я много чего наворотила. На том свете с меня много и спросится. И ведь могла по-другому жизнь прожить, да глупая была, думала, не придется расплачиваться. Ты вот что, девка, как завидишь, что меня крутить и ломать начнет, уходи и не оглядывайся. Уговор ты выполнила, ночь со мной пробыла. Потому и оплату получишь от старосты. Об одном прошу, расскажи Настасье все, что я тебе поведала. Ни словечка не утай, пусть знает.

Ночь пробыла? Варя точно очнулась, заметив, как темнота стала выцветать, предвещая скорый рассвет. Тьма больше не имела силы, постепенно отступая перед светом нового дня. Багровая луна истаяла, как и не было.

Аглая кивнула Варваре на кадку. Та все поняла и зачерпнула ковшиком воду. А когда подавала его старухе, та вдруг вцепилась ей в запястье и бесцеремонно задрала рукав сарафана. Руки у Аглаи были холодные и шершавые. Варя даже почудилось, что та оцарапала ей кожу.

– Это у тебя откуда? – Аглая больно ткнула Варю в родимое пятно. И откуда узнала?

Варвара, сколько себя помнила, всегда жила с этой отметиной, чем-то похожей на лист клевера. Ей никогда не нравилось пятно, оно казалось уродливым. А вот Захар, как только увидел, сказал, что этот знак делает ее особенной. Если бы Варя только знала, насколько особенной, то никому бы его не показала. А уж тем более Аглае.

– Родилась я такой, – буркнула Варвара, пытаясь вырваться и удержать при этом ковшик, но хлипкая на вид старушка держала мертвой хваткой. – Пустите, мне больно!

– А ну сядь, девка, и слушай меня! – Аглая вдруг разжала руки, выхватила ковшик и жадно осушила. – Ты не просто так ко мне попала. Сама судьба тебя в мой дом привела.

Пока она пила, первые лучи солнца коснулись ее дряблой кожи, румяня щеки. Аглая улыбнулась. Пусть улыбка не сделала ее краше и моложе, но теперь Варя видела перед собой не ведьму, а самую обычную дряхлую старушку, которую и бояться-то грешно. Может, с рассветом, ночные мороки больше не имели над Варварой власти?

– Бабушка, я уговор выполнила. Можно теперь пойду? Меня друзья заждались. – Она тоже робко улыбнулась.

– Друзья? – улыбка старой женщины стерлась. – Неужели ты не понимаешь, что всегда была чужой для них? Я ведь все про тебя узнала. В душу к тебе заглянула.

– И что же у меня в душе? – Варя придавал смелости солнечный свет, отвоевывавший себе все большие пространства, выгоняющий ночной сумрак из самых дальних уголков дома.

– Пустота и тоска бесконечная. Сама знаешь, что не такой ты жизни себе хотела. И пляски эти шутовские тебе не по нутру. Понимаешь ведь, что все это пустое и, сколь себя не успокаивай, легче не станет. Ноги давно в кровь сбила, а все пляшешь. Сколько тебе так плясать еще осталось? Два или три лета. А потом? Кому ты будешь нужна? Хорошо, если какой убогий на тебя заглядится, а то ведь и вовсе в девках помрешь.

Слова старухи били хлестко, точно плетью. И каждое попадало в цель. Сердце от обиды и злобы разрывалось, душа свербела. А Аглая все не унималась.

– Ты ведь их семьей привыкла считать, а для бедняков лишний рот, что целая орава голодных цыган, – одна обуза. Как перестанешь им деньги приносить, выкинут тебя, как старый лапоть, и забудут!

– Не верю! Они меня любят! – Варя вскочила с места и бросилась к двери. Злые слезы туманили глаза, только слова старухи летели вдогонку отравленными кинжалами.

– Уходи, коль так решила. Только знай. Не иначе от любви большой они kota твоего в реке утопили, пока ты богатеев плясками развлекала.

– Ты врешь! – Варя резко развернулась и кинулась к старухе. – Тимка сам убежал. Молодой, дурной был...

Кот недовольно заурчал, точно понимал их разговор и был не согласен с некоторыми Вариньными высказываниями.

– Вспомни, как он ластился к тебе в тот день, когда пропал. Коты – твари умные и смерть свою чувствуют за версту. Можешь мне не верить, только спроси у самого старшего из вашей труппы, может, и признается.

И Варя вдруг все вспомнила. В тот день им повезло, труппу пригласил к себе богатый помещик, у его жены был день рождения, заплатили хорошо. На те деньги они все вместе пару месяцев могли спокойно жить. Тимофей, который всегда ждал Варвару в телеге и никуда не уходил, пока она танцевала на сцене, вдруг увязался за ней. Не хотел оставаться со Степаньичем и другими стариками, которые уже не могли работать, но и деться им было некуда. Варя пообещала, что скоро вернется, а Тимка так на нее посмотрел, что сердце сжалось.

Варвара с трудом дождалась окончания спектакля и со всех ног помчалась к телеге, но Тимки нигде не было. Тогда-то Фекла, дальняя родственница Степаньича, ей и сказала, что коты умирают уходят подальше от хозяина. Только ведь Тимка еще молодой был!

Варя не поверила и долго, до глубокой ночи, его искала. Бродила по окрестностям, но так и не нашла. Степаньич неделю ходил угрюмым и молчаливым, точно воды в рот набрал. Вот, значит, почему. Степаньич хоть и велел Варваре с собой kota забрать, да постоянно упрекал, что «самим еды не хватает, так еще и зверя твоего кормить». Теперь как пелена с глаз упала!

Вот только откуда Аглае знать, что действительно произошло с котейкой? Она ведь там не была! Или действительно старуха – ведьма?

– Это не я, а ты слепая, ежели до сих пор не поняла, что не простая в тебе кровь течет. – Аглая точно слышала все ее мысли, понимала сомнения. – Сила в тебе есть, да только спит она крепким сном. Я ведь тебя и не прогнала потому, что родство почуяла, а как метку увидела, так и последние сомнения исчезли. Нашего ты рода, девонька. Ведовского!

Аглая взяла Варвару за руку, но та вырвалась и попятилась.

– Настасье ваши слова я передам, – затараторила Варвара. – А большие ничего слышать не хочу. Сирота я, и никакого родства у меня с вами нет.

Старуха стукнула палкой по деревянному полу.

– Уйдешь сейчас – большие не возвращайся. Я перед смертью хотела доброе дело сотворить, но если не просят, то любое добро злом обернуться может. Ступай, удерживать тебя не стану. Вот только как мать тебе в следующий раз явится да браниться станет...

Аглая говорила что-то еще, да только Варя больше не слушала. В висках застучало, а сердце ухнуло куда-то вниз. Она никому об этом не рассказывала! Сама боялась того, что с ней творится.

Первый раз мама пришла к ней сразу после того, как Степаньч забрал ее девчонкой сопливой в трупку. Варя тогда подумала, что это сон и мама ей попросту снится. Только прикосновения были именно такими, какими Варя их запомнила. Нежные, теплые маминны руки гладили ее по рыжим кудрям, тихий голос убаюкивал. Мама говорила, что не даст свою малышку в обиду и станет присматривать за ней, пока та не поднимется на ноги. Мама предупреждала ее о бедах и несчастьях, о лихих людях и даже о переменчивой погоде. Всякий раз ее слова сбывались, и Варя привыкла, что мама всегда рядом. Только вот о том, что поджидает ее в этой деревне, матушка не предупредила.

Неужели знала и нарочно не пришла? И старуха говорит правду?

– Знаю я, что она к тебе приходила. – Аглая снова подошла к окну, и со стороны могло показаться, что она любит восходящим над лесом солнцем. Только теперь было не страшно, ночь отступила, а вместе с ней и страхи. – Знаю, что силу ведовскую отринула, оттого и померла в расцвете лет. Да видно поняла, что и тебя такая же участь ждет, вот и привела ко мне. Только заставляй я тебя не буду. А ну, помоги мне на крыльцо выйти.

Варя удивилась, почему Аглая, встречавшая ее на крыльце ночью, не может выйти теперь, но не спорила. Подошла к старухе и, поддерживая, вывела ее за порог.

Ранним утром воздух всегда свежее и прозрачнее. Пока еще не наступила жара, можно гулять по сырой от росы траве, подставляя лицо теплему солнышку. Только сейчас Варвара этой красоты не видела, думала совсем о другом. Не обманывает ли ее старуха? И руку заголила именно ту, где родимое пятно имело, будто знала, и об остальном ведала. Только зачем ей понадобилась именно Варя? И что еще за сила такая – ведовская? Варя отродясь в себе ничего подобного не чуяла. А то что мамку мертвую привечала – так видения это все, которые в домах для душевнобольных лечатся!

– А теперь ступай. – Голос старухи вырвал Варю из размышлений. – Не держу.

Варвара, как во сне, спустилась с крыльца и дошла до забора. Обернулась, и как что кольнуло ей в сердце. Откуда-то всплыло понимание, что она все для себя решила и уже никуда не уйдет.

Аглая, словно прочитав ее мысли, улыбнулась и подняла морщинистое лицо к солнцу. При свете дня она не казалась страшной, скорее даже милой. Фекла, Степаньча родственница, и та безобразнее.

Варя еще немного постояла и решительно направилась к крыльцу. Из приоткрытой двери на порог лениво выполз черный кот. Теперь в его зеленых глазищах девушка не увидела

багровых отблесков. Кот мазнул Варвару равнодушным взглядом, сощурился и принялся умываться.

Гостей намывает, подумалось Варе. Только кому в голову придет напрашиваться к одинокой старухе в гости?

Девушка вдруг поняла, насколько Аглая одинока и несчастна. А ведь рядом люди! Живут, работают, влюбляются и женятся. Рождают детей, нянчат внуков. И никому нет дела до этой старухи. И в этом они с Варей похожи. Она так и не смогла принять свою новую «семью». Всегда чувствовала себя обузой в труппе. А ведь ее танцы особенно любят зрители, приходящие поглазеть на представление. Только нет рядом того, кто мог бы за нее искренне порадоваться. Даже мама, приходя в полусне-полуяви, никогда не говорила о том, какая ее дочка умница!

Черный кот вопросительно глянул на хозяйку, а та, словно почувствовав взгляд, опустила голову и едва заметно кивнула. Словно получив разрешение, кот спустился с крыльца и мягкой поступью направился к Варваре. Подойдя, он как бы невзначай боднул Варину ногу и, задрвав хвост, вышел за калитку.

Старуха же развернулась и зашла в дом, приглашающе оставив за собой приоткрытую дверь.

На печи исходил клубами ароматного пара чугунок со щами. Под столом, склонив голову и прищурился один глаз, с довольным урчанием разделялся с куском мяса кот. Половина дня уже пролетела, а Варвара все сидела и слушала рассказы старухи. Аглая рассказывала сказки про то, как она, еще будучи молодой, жила не в этом доме, а в усадьбе Лисий Яр. И что сам хозяин ее особо выделял среди других, но разница в положении не позволяла ему влюбиться в безродную девку. А она его все равно любила и готова была прислуживать, только бы рядом находиться. Только когда тот в усадьбу молодую жену привел, Аглая не смогла этого стерпеть и ушла. Недалеко ушла, в этот самый дом. Вскорости узнала, что у любимого сын родился, который и теперь в поместье живет да всем там управляет.

– Приворожить его даже хотела, – каялась старуха. – Да разве это заменит любовь-то настоящую. Вот я и решила, что пусть будет без меня, зато счастливым.

Варя не верила словам старухи, но рассказ ей нравился. И она представляла, как сама танцует не на сцене для богачей заздравившихся, а на балу, который в ее честь устроен. И только она увидела, как молодой кавалер приглашает ее на танец, галантно склонившись в поклоне, как Аглая бесцеремонно вырвала Варю из мира грез, ухватившись шершавой своей рукой за предплечье.

– Пора, девка! Готова?

Да неужели к такому можно подготовиться? Аглая успела рассказать Варе, что может разбудить в ней кровь колдовскую. Только все сокрушалась, что времени совсем не осталось и знания она передать не успеет. Показала Варваре погреб, где травы да настойки хранились. А еще там были книги. Старинные, в почерневших кожаных обложках, с желтыми промасленными страницами.

– Ты хоть грамоте обучена? – спохватилась Аглая.

– Обучена, – заверила ее Варвара. – Степаныч заставлял буквы запоминать да в слова складывать. Справлюсь уж как-нибудь.

На самом деле Варя не верила в слова Аглаи, думала, что та давно из ума выжила от тоски и одиночества. Вон какие истории про барскую усадьбу расписывала, точно на самом деле там была. Но отказать старухе в просьбе не смогла. Боялась, что накажут ее небеса и будет она, Варвара, так же старость свою коротать, а никто и воды не поднесет.

Старуха привела Варвару в баню. Велела снять крест и раздеться донага. Сама сделала так же. Затем нарисовала угольком на полу круг и сказала Варваре встать в него, да чтоб ни звука, что бы ни произошло. В кругу она поставила бадейку с водой и положила нож.

Одежду Варину старуха связала узлом со своей и кинула в печь. Варя испугалась, что вместе с сарафаном и крестик сгорит, но увидела, что он лежит на полу, старуха его не заметила.

Аглая вошла в круг и начала нараспев читать слова на непонятном для Вари языке. А потом вдруг ловко подхватила с пола нож и полоснула Варю по тому месту, где у нее было родимое пятно. Девушка едва не взвыла от пронзившей ее боли, но, помня слова старухи, лишь сжала зубы до скрипа. Аглая глянула на нее с одобрением и даже улыбнулась. Зачерпнула ладонями воды из бадейки, полила на рану. Что-то пошептала, дунула, и Варя почувствовала, как жгучая боль уходит. Старуха тем временем распоролла тем же ножом свою ладонь и приложила окровавленную руку к ране Варвары. Снова стала читать странные слова, от которых у Вари теперь мороз пошел по коже, а тело пронзило тысячью иголок. Стены бани начали расплываться и изменяться. И вот уже они со старухой стоят посреди поляны. Вокруг сплошной стеной лес, над головой черное ночное небо.

Варя хотела что-то сказать, но язык ее больше не слушался. Она даже не сразу поняла, что повторяет незнакомые слова за старухой. В голове стоял гул, по поляне летали черные рваные тени, а она не могла даже пошевелиться.

Страх не было совсем. Только ожидание: что же произойдет дальше?

Ничего.

Варя потрясла головой и поняла, что снова стоит в бане. Глянула на родимое пятно. Никакого пореза не было в помине, и боль ушла без следа. Неужели снова привиделось? Она опустила глаза и увидела у своих ног скрюченное тельце старухи. В одной руке та крепко сжимала нож, а изо рта вытекала тонкая струйка крови. Варя встала на колени и повернула тело Аглаи на спину. Но теперь на нее смотрела молодая, красивая девушка, чуть старше ее самой. Черные длинные волосы рассыпались вдоль тела, стыдливо укрыли упругую грудь. Девушка распахнула глаза, в которых плескался густой мрак, и пухлыми альми губами пошептала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.